

Содержание

Вместо предисловия. Наше лето	6
ПЛАНЫ И СИЛЫ СТОРОН	9
Рождение плана операции «Цитадель»	10
Планы и состояние войск групп армий «Юг» и «Центр».	18
Планы командования Красной Армии.	30
Главное направление обороны.	40
На широком фронте	46
Пытка ожиданием.	52
ОПЕРАЦИЯ «ЦИТАДЕЛЬ».	59
Наступает «Гений обороны».	60
Контрудар Рокоссовского	84
Поныри	94
Ольховатка	106
Итоги сражения на Северном фесе Курской дуги	116

Южный фас. Немцы взламывают «прочную оборону»	118
Атакует Герман Гот	122
Контратаки советских танкистов	132
Фланговое прикрытие	136
Отмененный контрудар.	142
Эсэсовцы выходят к третьему рубежу обороны	146
Танковые корпуса Хауссера и фон Кнобельсдорфа смыкают фланги	154
7 июля. Восстанавливая целостность фронта	162
Несомкнутые фланги. Армейская группа «Кемпф»	168
Контрудар 8 июля.	174
9 июля. «Звездный час» немецкого 48-го танкового корпуса	180
Запоздавшее смыкание флангов	184
Марши, марши...	190
Окружение на реке Пена	194

2-й танковый корпус СС	
прорывается к Прохоровке	200
Подготовка контрудара.	206
12 июля. Прохоровское поле.	212
12 июля. Излучина Псела	222
Запятая, ставшая точкой	230
Итоги операции «Цитадель»	234
ОТВЕТНЫЙ УДАР	237
Операция «Кутузов»	238
Орловская операция	246
Наступление на Хотынец и Болхов	272
От обороны — к наступлению.	290
Операция «Полководец Румянцев»	304
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Целесообразность «преднамеренной обороны»	352
Приложения	360
Источники и литература	367

Вместо предисловия. Наше лето

Дазгром 6-й армии Фридриха Паулюса под Сталинградом был, разумеется, тяжелейшим поражением германской армии с начала Второй Мировой войны. Однако высокие материи, такие как: «потерянная стратегическая инициатива», «крушение плана кампании» и туманные перспективы завершения войны в целом, все же оставались уделом верховного командования и штабистов армий и групп армий на Советско-германском фронте. На уровне рядовых бойцов Красной Армии и младших офицеров вера в силу немецкого оружия еще оставалась на высоте. На остановившемся в весенней грязи фронте солдаты в окопах перебрасывались ехидными замечаниями и с немецкой стороны много раз звучала незамысловатая сентенция *«Рус Иван! Зима ваша, лето наше...»*.

Действительно, в предыдущие периоды войны эта поговорка вполне себя оправдывала. После страшного для Советского Союза и его вооруженных сил лета 1941 года последовала зима 1941/42 года и советское контрнаступление по всему фронту. Однако уже весной 42-го удача вновь была на стороне немцев — солдатский телеграф разносил по фронту тревожные новости о катастрофах под Харьковом и в Крыму. Летом, когда рухнул весь южный сектор Советско-германского фронта и многие армии отступали на восток, в ротах и батареях звучали горькие строки легендарного приказа № 227 «Ни шагу назад!». Фронт откатился до Волги. Снег и зима вновь принесли успех Красной Армии. Фронт, как и под Москвой, покатился на запад. Тем не менее надеждам на безостановочное наступление не суждено было сбыться. На подступах к Днепру, под Харьковом, немцам удалось контрударами стабилизировать линию фронта. К Ленинграду советские войска смогли пробить лишь узкий коридор, все попытки расширить который наталкивались на шквал огня и контратаки. Вермахт оставался сильным противником.

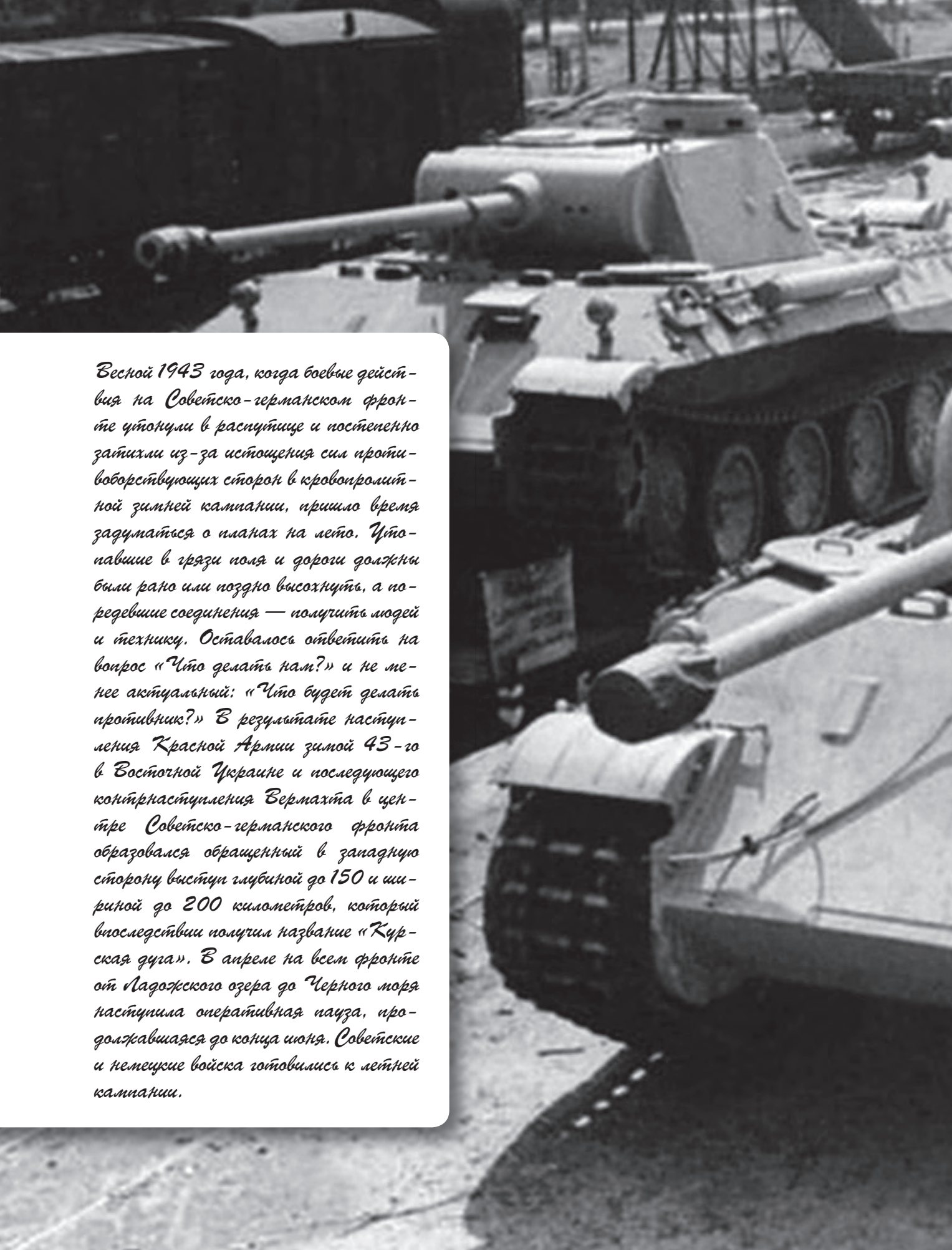
Тревожным звоночком прозвучало появление у немцев танков новых типов, первый из которых — тяжелый «панцер» «Тигр» — уже проявил себя на фронте. Советские танкостроители в условиях эвакуации и тяжелой обстановки на фронте больше сосредоточивались на повышении надежности боевой техники и на восполнении потерь. Вопросы радикальной модернизации существующей техники, а тем более создания принципиально новых образцов на какое-то время отошли на второй план. Перевооружение танковых войск Красной Армии новыми танками весной 1943 года еще оставалось делом сравнительно далекого будущего. Немедленного эффекта ждать не приходилось. Ядром танковых частей и соеди-

нений оставались средние Т-34 с 76-миллиметровой пушкой и облегченные тяжелые КВ-1 С.

Все это вместе заставляло с тревогой смотреть в будущее. И простые бойцы, и офицеры, и генералы в апреле–мае 1943 года думали о том, как избежать «немецкого лета» в наступающей весенне-летней кампании. Опасения повторения отступления и развала фронта были серьезными. Ставка Верховного Главнокомандования привычно формировала в тылу резервные армии, аналоги которых спасали страну в летних и осенних кампаниях 1941–1942 годов. Эти резервные объединения ждали своего часа далеко от фронта. На передовой бойцы закапывались в землю, осваивали боевую технику, их «обкатывали» танками.

Тем не менее было бы серьезной ошибкой прямо противопоставлять воинов 1943-го тем, кто защищал страну в первые два года Великой Отечественной. Отказ от активной стратегии, добровольная передача инициативы противнику сами по себе не являлись предпосылками успеха. Не следует думать, что достаточно было просто «взяться за ум», отказаться от наступлений и изо всех сил закапываться в землю. Курская битва стала одним из переломных сражений войны и, главное, первым безусловным летним успехом Красной Армии стратегических масштабов. Поэтому сама форма ее проведения советским командованием через десятилетия после окончания войны стала интерпретироваться как ключ к успеху. Стратегическая оборона стала пропагандироваться как универсальный рецепт счастья. *«Если бы поступили так же как под Курском...»* стало притчей на все случаи жизни. «Курскую» тактику даже предлагалось использовать в июне 1941 года в условиях неполной развернутости армии и низких плотностях армий прикрытия границы. Несколько более осмысленным было предложение превратить в сплошную Курскую дугу весь Советско-германский фронт перед началом летней кампании 1942 года. Однако все это серьезное упрощение реальных событий.

Курская битва была во многом уникальным примером в истории войны прежде всего в отношении успехов разведки антигитлеровской коалиции в целом (и об этом будет рассказано в нашей книге). Кроме того, стратегия советского командования летом 1943 года не была столь примитивной, как иной раз представляется. Сражение на Курской дуге длилось почти два месяца и являлось продуманным синтезом «щита» обороны и «меча» наступления. Именно этот синтез привел Красную Армию к успеху и навсегда вырвал стратегическую инициативу из рук Вермахта.

Весной 1943 года, когда боевые действия на Советско-германском фронте утихли в распутище и постепенно затихли из-за истощения сил противоборствующих сторон в кровопролитной зимней кампании, пришло время задуматься о планах на лето. Утихшие в грязи поля и дороги должны были рано или поздно высохнуть, а поредевшие соединения — получить людей и технику. Оставалось ответить на вопрос «Что делать нам?» и не менее актуальный: «Что будет делать противник?» В результате наступления Красной Армии зимой 43-го в Восточной Украине и последующего контр наступления Вермахта в центре Советско-германского фронта образовался обращенный в западную сторону выступ глубиной до 150 и шириной до 200 километров, который впоследствии получил название «Курская дуга». В апреле на всем фронте от Ладожского озера до Черного моря наступила оперативная пауза, продолжавшаяся до конца июня. Советские и немецкие войска готовились к летней кампании.

ПЛАНЫ И СИЛЫ СТОРОН

Немецкие средние танки «Пантера» модификации D2 перед отправкой
на Восточный фронт. Германия, весна 1943 года

Рождение плана операции «Цитадель»

Эрих фон Манштейн представляет Гитлеру план наступления группы армий «Юг» в операции «Цитадель». За спиной генерал-фельдмаршала стоит его начальник штаба генерал-полковник Теодор Бюссе

Даже после тяжелых поражений, которые Красная Армия нанесла Вермахту зимой 1942/43 года, и наметившегося истощения сил германская армия оставалась сильным и опасным противником. Более того, в сравнении с началом войны и началом летней кампании 42-го года ее общая численность возросла. Вызвано это было не только потребностями войск на Восточном фронте, но и необходимостью наращивания немецких военных контингентов в находящейся под угрозой вторжения союзников Европе. Так или иначе, даже без учета войск СС и частей Люфтваффе, на территории Советского Союза находилась армия, насчитывавшая в своих рядах 3 миллиона 115 тысяч человек. Армия практически той же численности (3 миллиона 200 тысяч человек), что и 22 июня 1941 года начала поход на СССР. По числу соединений Вермахт первой половины 1943 года даже превосходил Вермахт июня 41-го. Другой вопрос, что эти соединения были уже совсем не те, что раньше, но об этом будет рассказано ниже.

Побудительные мотивы немецкого командования довольно точно сформулировал в своих мемуарах тогдашний командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн: *«Весной 1943 г никто не мог сказать, начнут ли Советы вновь наступать после окончания периода распутицы. Они ведь могли подождать, чтобы усилить свою группировку и посмотреть, когда их союзники действительно откроют второй фронт на континенте. Такая стратегия выжидания не исключала проведения ряда ударов небольшими силами, чтобы сохранить свой престиж и предотвратить оттягивание немецких сил с востока. Для немцев это было бы самым неприятным. Но это могло привести к тому, что мы, бездейственно ожидая в обороне, должны были бы потом вести войну на два фронта против сильных противников. По этой причине чистая оборона, нечто вроде позиционной войны, для нас была неприемлема. Вторым соображением, говорившим против применения чисто оборонительной тактики, был тот простой факт, что нам не хватало для этого имеющихся на востоке дивизий. Фронт от Черного моря до Ледовитого океана был слишком велик для того, чтобы мы могли создать на нем прочную оборону, и меньше всего в полосе группы «Юг», которая должна была оборонять тогда 32 дивизиями фронт от Таганрога на Черном море до района юго-восточнее Сумы, со-*

Немецкий тяжелый танк «Тигр» на площади Розы Люксембург в Харькове. Весна–лето 1943 года.

ставлявший около 760 км. Соотношение сил позволяло Советам, в случае если бы мы ограничились чистой обороной, проводить наступление на различных участках Восточного фронта превосходящими силами и прорывать наш фронт. В результате этого противник добился бы или окружения стабильных участков фронта, или нашего отступления. 1944 г. дал достаточно примеров того, к чему приводила нас попытка удерживать неподвижный фронт. Следовательно, мы не могли ограничиться только чистой обороной! Наоборот, мы должны были — пусть даже и в рамках стратегической обороны — привести в действие факторы, которые давали нам преимущество перед противником: более искусное руководство войсками, высокие боевые качества войск, большую подвижность наших войск (особенно летом)».

Влепив противнику звонкую оплеуху под Харьковом, немецкое командование вполне могло рассчитывать на перехват стратегической инициативы. Крупный успех на Востоке позволял надеяться на перелом в уже казавшейся бесконечной Мировой войне. Надеяться можно было если не на победу, то, по крайней мере, на удовлетворительные условия перемирия.

Первые наброски амбициозного плана летней кампании 1943 года появились еще в начале весны, в разгар боев за Харьков. 13 марта Гитлер подписал оперативный приказ № 5, в котором указывалось: «Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности предупредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время имеет место на фронте группы армий «Юг». На остальных участках задача сводится к обескровливанию наступающего противника. Здесь мы заблаговременно должны создать прочную оборону».

Задачей войск на Восточном фронте было наступление с целью предупредить удары Красной Армии. Оставалось определиться, где наступать. Курская дуга как цель немецкого наступления появилась тогда же, в марте 43-го, на волне успехов под Харьковом. Через Курск проходили важные железнодорожные магистрали, кроме того, сам Курский выступ естественным образом являлся удобным плацдармом для наступления во фланг и тыл групп армий «Центр» и «Юг». Поэтому в оперативном приказе от 13 марта Гитлер требовал нанесения удара с двух сторон по

ступающей армией с рубежа Тронеа — района севернее Мало-архангельска, прорывает фронт на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, и соединяется с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. Для прикрытия наступающей группировки с востока необходимо в кратчайший срок достигнуть рубежа Тим — восточнее Шигр — р. Сосна, не допустив при этом ослабления сил на направлении главного удара. Для прикрытия наступающей группировки с запада использовать часть имеющихся сил. Части группы армий «Центр», введенные в бой на участке западнее р. Тронеа до разграничительной линии с группой армий «Юг», имеют задачу с началом наступления сковать противника путем проведения местных атак специально созданными ударными группами и своевременно нанести удары по окружаемой группировке противника. Непрерывным наблюдением и воздушной разведкой обеспечить своевременное вскрытие отхода противника. В этом случае следует немедленно перейти в наступление по всему фронту».

В отличие от всеохватывающей «Барбароссы», замысловатого плана летней кампании 1942 года, план операции «Цитадель» («*Zitadelle*») был простым, даже примитивным. Предполагалось срезать Курский выступ двумя ударами по сходящимся направлениям, одним с севера и одним с юга. Это позволило бы образовать обширную брешь в построении советских войск и перехватить инициативу. Основной ударной силой наступления должны были стать 9-я армия (9. *Armee*) на Северном фесе Курского вы-

Модель, Вальтер Мориц Отто (Otto Moritz Walter Model; 1891–1945) — генерал-фельдмаршал (1944), в ходе сражения на Курской дуге командующий 9-армией

Участвовал в Первой мировой войне на Западном фронте. Несколько раз был ранен. С 1919 года служил в стотысячном Рейхсвере. 22 июня 1941-го в составе группы армий «Центр» вступил на территорию Советского Союза. Был одним из тех генералов Вермахта, которые пользовались безусловным уважением фюрера. Зимой 41-го года в критической ситуации Модель резко бросил Гитлеру: «Кто командует 9-й армией? Я или вы?» Вскоре он делом доказал свое умение управлять войсками в казавшейся безвыходной ситуации, остановив отступление немецких войск под Ржевом. Симпатию фюрера вызывало также то, что он был убежденным национал-социалистом. В октябре 42-го он стал четвертым в списке молодых генералов, которые были определены как подходящие фигуры для назначения на должность командующего группы армий, если такая вакансия вдруг откроется. К весне 1943 года за его плечами был опыт нескольких успешных оборонительных сражений на центральном участке Восточного фронта. Как и многие выдающиеся военачальники, Вальтер Модель предпочитал руководить сражением из гущи боя. Как и Гудериан, Роммель и ряд других полководцев Третьего Рейха, он старался выезжать на передовую, видеть поле битвы, а не отдавать приказы из штабного бункера с картами и телефонами. Обратной стороной медали такого руководства была запоздалая обработка полученной в штабе информации. Не самой сильной стороной Моделя было построение взаимоотношений с коллегами, как непосредственным руководством, так и с подчиненными. Так, незадолго до начала «Цитадели» он устроил безобразный разнос в присутствии подчиненных командиру корпуса генералу Иохиму Лемельзену за малозначительное решение с переделкой танков в тягачи-эвакуаторы. В отличие от многих военачальников Вермахта, достаточно настороженно относившихся к нацистам, Модель откровенно симпатизировал им и даже взял себе адъютанта из СС. Это было одной из причин безусловного доверия Гитлера Моделю и его быстрого карьерного взлета. Вместе с тем талант Моделя был несколько односторонним. По итогам боев за Ржев и оборонительных сражений второй половины войны он остался в истории преимущественно «генералом обороны». Кроме того, даже самые лояльно настроенные по отношению к немецкому военачальнику западные историки, высоко оценивая его победы над Красной Армией, отмечают, что «он был, бесспорно, крайне жесток в обращении с советским гражданским населением, он активно сотрудничал с карательными отрядами СС и с их программами «переселения» евреев».

ступа и 4-я танковая армия (*4. Panzerarmee*) и армейская группа «Кемпф» (*Armee-Abteilung Kempf*) — на Южном. Поскольку одним из вдохновителей нового наступления был командующий группой армий «Юг» (*Heeresgruppe Süd*) Эрих фон Манштейн, в дальнейшем предполагалось использовать брешь в советском фронте в его интересах. За операцией «Цитадель» должна была последовать операция «Пантера» (*«Panther»*) — глубокий прорыв в тыл войскам Красной Армии, стоящим на пороге Донбасса.

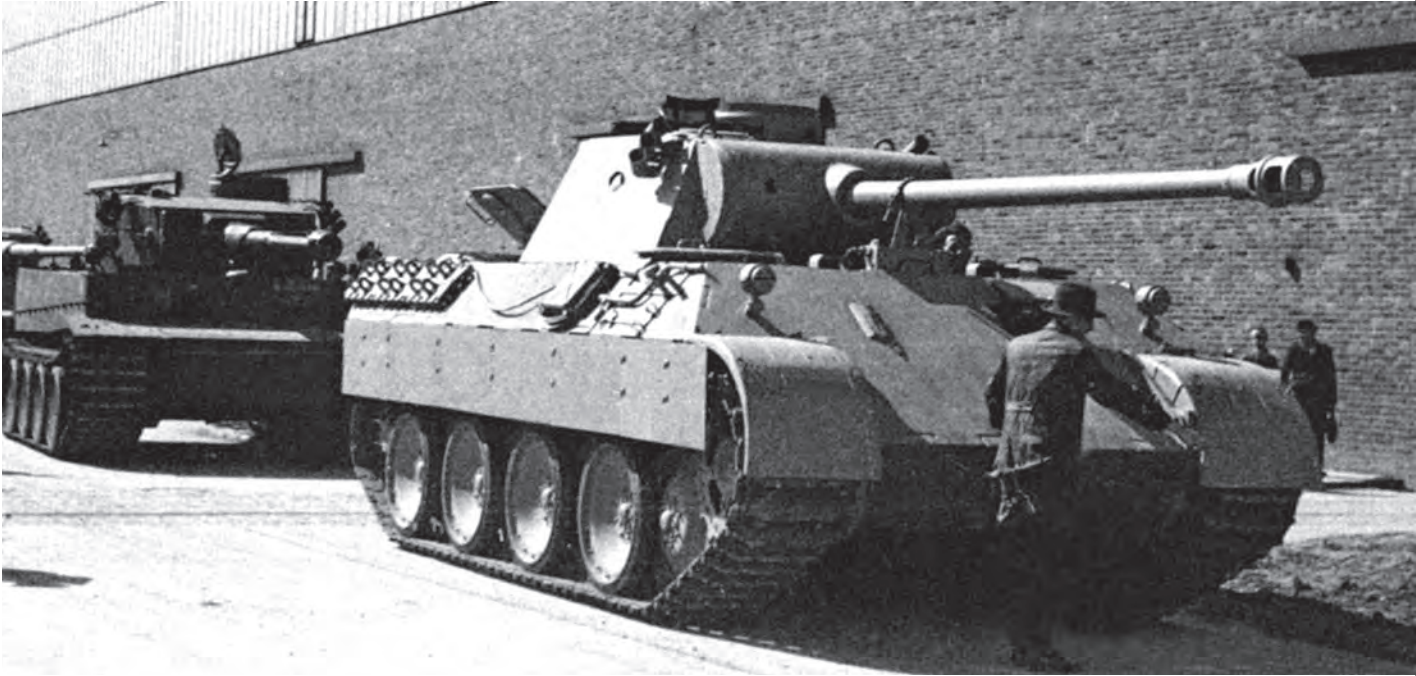
Формулировка фюрера *«как только позволят условия погоды»* довольно точно определяла временной интервал, в который должна была начаться операция «Цитадель». Начало наступления было назначено на середину мая. Фон Манштейн считал, что нужно атаковать противника как можно раньше, упреждая советское наступление в Донбассе. Однако далеко не все разделяли его энтузиазм. Оппонентом командующего группой армий «Юг» выступил один из командующих армий его северного соседа. Впрочем, по своему весу в глазах фюрера он стоял на голову выше своего непосредственного начальника. Когда тот говорил, то Гитлер его слушал. Имя этого командующего армией известно почти каждому, кто интересовался историей Второй Мировой войны — Вальтер Модель. Однако именно он 3 мая 1943 года подготовил доклад, поставивший под сомнение осуществимость операции «Цитадель» в случае ее начала по плану, то есть 15 мая. Основным аргументом командующего 9-й армией стали данные разведки относительно оборонительных возможностей противостоящего его армии Центрального фронта

Красной Армии под командованием К. К. Рокоссовского.

Обсуждение доклада состоялось 3–4 мая на совещании в Мюнхене. Присутствовавший на нем Гейнц Гудериан впоследствии вспоминал: *«Совещание открыл Гитлер. В своей 45-минутной речи он обстоятельно обрисовал положение на Восточном фронте и поставил на обсуждение присутствующих предложения начальника Генерального штаба и возражения генерала Моделя. Модель, располагая подробными разведывательными данными, особенно аэрофотоснимками, доказал, что как раз на этих участках фронта, на которых обе группы армий хотят предпринять наступление, русские подготовили глубоко эшелонированную,*

Адольф Гитлер в своей ставке «Вольфсшанце» (*«Wolfsschanze»*) в Восточной Пруссии обсуждает с генералами план операции «Цитадель». 29 июня 1943 года. Слева направо: генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, начальник штаба группы армий «Юг» генерал-лейтенант Теодор Бюссе, командующий 4-й танковой армией генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст, начальник генерального штаба генерал-полковник Курт Цейтцлер, командующий 17-й армией группы армий «А» генерал-полковник Рихард Руофф, командующий армейской группой «Кемпф» генерал танковых войск Вернер Кемпф

Сошедшие с конвейеров новейшие модели немецких танков — PzKpfw V «Пантера» модификации D и PzKpfw VI «Тигр» модификации H во дворе завода фирмы «Хеншель» (*Henschel*) в Германии. Май 1943 года

тщательно организованную оборону. К тому времени русские уже отвели главные силы своих мотомеханизированных войск с выступающих вперед позиций и в свою очередь на вероятных направлениях нашего прорыва, который мы намечали провести согласно нашей схеме наступления, необычайно усилили свою артиллерию и противотанковые средства».

Интересно, что именно Вальтер Модель, а не генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге руководил подготовкой плана наступления войск группы армий «Центр» в рамках общего плана операции «Цитадель». Более того, оба командующих группами армий, и фон Клюге, и Эрих фон Манштейн, придерживались мнения, что операцию нужно начинать в мае. Однако так или иначе, нуж-

ные факты и цифры были вброшены Моделем на совещании и оказали решающее воздействие на фюрера.

По данным, представленным Моделем, советский Центральный фронт в начале мая насчитывал 31 дивизию, 1200 орудий, 200 установок реактивной артиллерии и 1500 танков. Численность боевых подразделений войск Рокоссовского оценивалась немцами в 124 тысячи человек. Это давало Центральному фронту почти двойное превосходство над немецкой 9-й армией, насчитывавшей в середине мая 324 924 «едока», при численности боевых подразделений в 67 188 человек, 824 орудия и около 800 танков и самоходно-артиллерийских установок. Данные аэрофотосъемки показывали множество советских противотанковых позиций и траншей на пути грядущего немецкого наступления. Прорыв этой развитой системы обороны требовал сильной пехотной составляющей. Однако большая часть пехотных дивизий армии Моделя имела численность пехоты вдвое меньше штатной. К тому же многие из этих соединений были расформированы. Например, три из положенных по штату девяти пехотных батальонов. Такие шестибатальонные дивизии были заметно слабее девятибатальонных соединений, вступивших на территорию Советского Союза 22 июня 1941 года и периодически прибывавших с Запада после переформирования или формирования заново. Артиллерийские батареи в дивизиях 9-й армии были сокращены с четырех штатных орудий до трех, а в некоторых батареях было по одному-два орудия. К 16 мая 1943 года, то есть к моменту, когда по плану

должна была начаться операция «Цитадель», пехотные дивизии имели среднюю «боевую численность» (*Kampfstaerke*) — количество подразделений непосредственно участвующих в бою — в 3306 человек. Также острой проблемой являлся транспорт. Тринадцати пехотным дивизиям 9-й армии не доставало двух тысяч грузовых машин, а 4-я танковая дивизия из-за нехватки грузовиков была вынуждена держать две с половиной тысячи лошадей.

Особенно хорошо видна разница между возможностями ударных группировок Вальтера Моделя и Эриха фон Манштейна, если сравнить их «боевую численность». Пятнадцать пехотных дивизий 9-й армии к началу «Цитадели» имели среднюю «боевую численность» 3296 человек, а восемь пехотных дивизий 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» — 6344 человека. Например, 167-я пехотная дивизия (*167. Infanterie-Division*) 4-й танковой армии насчитывала 17837 «едоков» при «боевой численности» в 6776 человек. Пехотные соединения фон Манштейна имели почти вдвое большую численность боевых подразделений. Причины этого довольно просты: восстанавливая фронт после катастрофы под Сталинградом, немецкое верховное командование бросало в группу армий «Юг» соединения, прошедшие в 1942 году переформирование на Западе. Напротив, в распоряжении Моделя были в основном пехотные дивизии, воевавшие на Восточном фронте с 1941 года, с самого начала кампании против Советского Союза. Неудивительно, что именно Модель стал инициатором сдвига сроков начала «Цитадели». Дело было не в личных качествах Моделя как военачальника, а в объективном состоянии его войск после нескольких кровопролитных сражений за Ржев.

Доклад Моделя произвел сильное впечатление на Гитлера. Никто из присутствующих на совещании в Мюнхене командующих и даже начальник Генерального штаба Курт Цейтцлер не смогли выдвинуть убедительных аргументов против выкладок командующего 9-й армией. В итоге было решено сдвинуть срок начала операции «Цитадель» на месяц. Впоследствии это решение станет одним из наиболее критикуемых среди принятых Гитлером за всю Вторую Мировую войну.

Естественно, что впоследствии, с учетом опыта провала «Цитадели», появились различные версии и интерпретации этого решения. Так, один из биографов Моделя, известный американский военный историк Стивен Ньютон пишет: *«Начальник оперативного отдела штаба группы армий «Центр» полковник Георг Петер фон дер Гребен сразу после войны заявил, что Модель своим рапортом добивался не отсрочки, а отмены наступления. Фон дер Гребен предположил, что Модель пытался манипулировать Гитлером, надеясь, что после нескольких отсрочек наступления русские потеряют терпение и сами начнут атаку. Это дало бы фон Клюге, фон Манштейну и Моделю желанную возможность вести оборонительные бои, а не наступать. В обоснование своего заявления фон дер Гребен сказал, что Модель построил в районе Орла серию оборонительных позиций, захватив даже тылы соседней 2-й армии. Такие позиции, по его утверждению, были необходимы только в случае наступления русских. Но такая интерпретация событий является спорной, хотя и допустимой».* Действительно, за год до этого, весной

Начальник штаба сухопутных войск (ОКХ) генерал-полковник Курт Цейтцлер (*Kurt Zeitzler; 1895–1963*). Он был сыном священника. Во время Первой Мировой войны командовал пехотным батальоном. В ходе кампаний Вермахта против Франции (1940), Югославии и Греции (1941), Советского Союза (1941–1942) был начальником штаба 1-й танковой армии и группы армий «А». В сентябре 1942 года сменил на должности начальника Генштаба смещенного фюрером Франца Гальдера. Цейтцлер продержался на этом посту до июля 1944 года, когда был снят из-за очередных разногласий с Гитлером

1942 года Красная Армия сделала первый ход уже в мае. У немецких командующих были все основания считать, что советское руководство не будет ждать и в летней кампании 1943 года перейдет в наступление уже в мае или в начале июня. Сама по себе подготовка оборонительных позиций под Орлом ни о чем не говорит. Ее можно оценить как мероприятия «на всякий случай». Застрелившийся в апреле 1945 года Модель не оставил ни мемуаров, ни дневников, и поэтому мы можем лишь строить предположения о настоящих планах немецкого военачальника.

В том варианте, в котором развивались реальные события, реше-

ние Гитлера отложить «Цитадель» действительно весьма уязвимо для критики. Проблема была в том, что пополнения получала не только 9-й армия, но и противостоящие ей советские войска. Сегодня мы можем оценить ситуацию не по разведывательным сводкам, а по объективным данным о численности войск противоборствующих сторон. В апреле 1943 года Центральный фронт Красной Ар-

мии насчитывал 538480 человек, 920 танков, 7860 орудий и 660 самолетов. На 1 июля в распоряжении К.К. Рокоссовского было 711575 человек, 1785 танков и самоходно-артиллерийских установок, 12453 орудия и 1050 самолетов. Немецкая 9-я армия к 4 июля достигла «боевой численности» в 75713 человек (при общей численности 335000 человек), число танков возросло с 800 до 1014, а орудий — с 3006 до 3368. Как мы видим, Центральный фронт наращивал основные показатели численности войск более быстрыми темпами. Соотношение сил между армией Моделя и фронтом Рокоссовского перед началом немецким командованием операции «Цитадель» по сравнению с маем 1943 года не улучшилось, а наоборот, ухудшилось. Задержка немцев с началом наступления не дала ожидаемого результата.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн (слева) и командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Герман Гот (справа) обсуждают план операции «Цитадель». Июнь 1943 года

Немецкие генералы после совещания в «Волчьем логове» 29 июня 1943 года. Впереди идет генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн

Планы и состояние войск групп армий «Юг» и «Центр»

Гауптман Ганс-Ульрих Рудель (*Hans-Ulrich Rudel*; 1916–1982) накануне Курской битвы проводит инструктаж по отработке атаки советских средних танков Т-34 с помощью 37-миллиметровых пушек пикирующего бомбардировщика Ju 87G-1 «Штука». Рудель был самым результативным пилотом «Штуки» и единственным кавалером «полного банта» Рыцарского креста (с Золотыми дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами). По количеству военных наград в Третьем рейхе его превзошел только «нацист номер два» — рейхсмаршал Герман Геринг. По немецким данным, Рудель совершил 2530 боевых вылетов, что является абсолютным рекордом среди всех летчиков Второй Мировой. На различных модификациях «Штуки» он уничтожил около двух тысяч единиц боевой техники Красной Армии, в том числе 519 танков (по другим сведениям — 532), 150 самоходок, 4 бронеповзда, 800 автомашин. Участвовал в потоплении линкора «Марат», двух крейсеров и эсминца. В конце войны Рудель переучился с устаревшей «Штуки» на истребитель FW 190, за ручкой управления которого сбил 7 советских истребителей и 2 штурмовика Ил-2

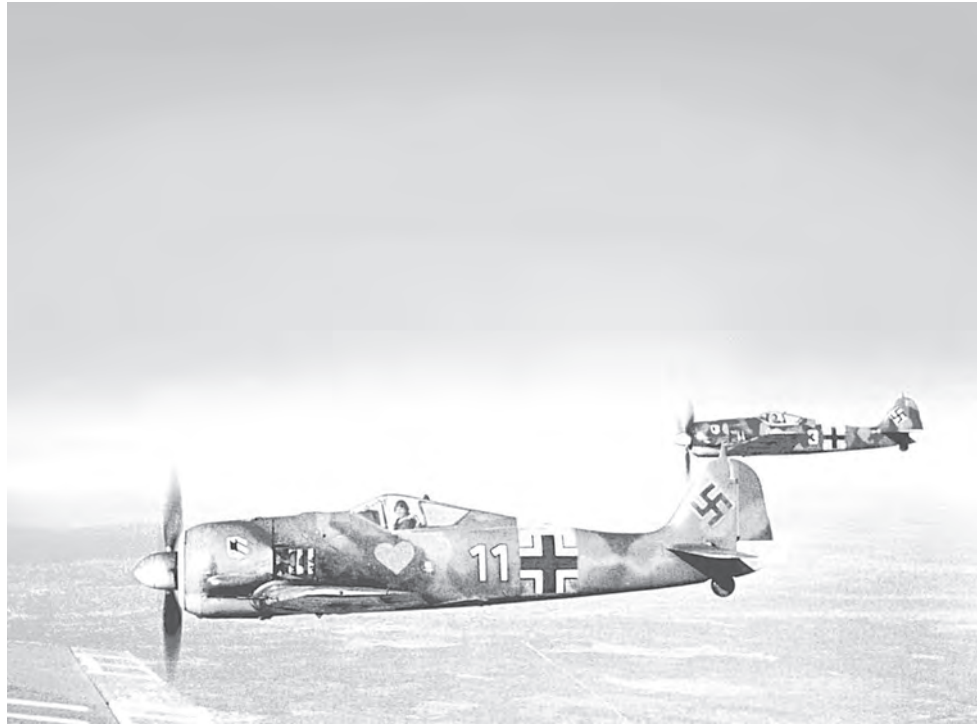
План наступления на Северном фланге Курской дуги, разработанный Вальтером Моделем, базировался на нехарактерном для германской военной школы приеме ввода танковых соединений в прорыв после взлома обороны противника пехотой. Моделю собирался провать позиции Центрального фронта Рокоссовского атакой пехоты при поддержке тяжелых танков, штурмовых орудий, артиллерии и авиации. Из восьми подвижных соединений, имевшихся в распоряжении 9-й армии, только самую слабую — 20-ю танковую дивизию (*20. Panzer-Division*) — Моделю планировал использовать при первом ударе. В качестве средства поддержки пехоты корпусу Лемельзена придавался 505-й батальон тяжелых танков (*Schwere Panzer-Abteilung 505*), участвовавший в операции «Цитадель» в составе двух рот, насчитывавших 31 тяжелый танк PzKpfwVI «Тигр».

Слева от корпуса Лемельзена должен был наступать 41-й танковый корпус (*XXXXI. Panzerkorps*) под командованием генерала танковых войск Йозефа Гарпе. Его 86-я и 292-я пехотные дивизии (*86. und 292. Infanterie-Divisionen*) атаковали высоты возле Поньрей, а подвижное соединение (18-я танковая дивизия) оставалось во втором эшелоне. Слева от корпуса Гарпе находился 23-й корпус (*XXIII. Armeekorps*) генерала пехоты Йоханнеса Фриснера. Его задачей было нанесение вспомогательного удара на Мало-Архангельск силами 78-й штурмовой и 216-й пехотной дивизий. Соответственно справа от корпуса Лемельзена должен был быть 46-й танковый корпус (*XXXXVI. Panzerkorps*) генерала пехоты Ганса Цорна. Его ударная группа состояла только из пехотных дивизий: 7, 31, 102 и 258-й. Еще три подвижных соединения — 10-я танко-гренадерская дивизия (*10. Panzer-Grenadier-Division*), 4-я и 12-я танковые дивизии (*4. und 12. Panzer-Divisionen*) — оставались в резерве группы армий для развития успеха. В ходе подготовки операции было решено, что Гюнтер фон Клюге передаст их Вальтеру Моделю после того, как его собственные танковые дивизии выйдут на оперативный простор позади оборонительных позиций Центрального фронта.

В целом план наступления 9-й армии можно назвать несколько двусмысленным. Остается впечатление, что Моделю стремился предотвратить

сковывание своих самых ценных подвижных соединений. Оставаясь во втором эшелоне, они могли быть быстро переброшены на другие участки для латания рвущегося под ударами советских войск фронта.

Танковых дивизий армии Моделя не коснулись многие меры по реорганизации танковых соединений. В частности, ни одна из них не имела огнеметных танков. По штатному расписанию, действовавшему с января 1943 года, в танковых батальонах создавались взводы огнеметных танков, по 7 машин в каждом взводе. Кроме того, новейшие самоходно-артиллерийские установки «Веспе» и «Хуммель» имелись не во всех танковых дивизиях армии Моделя. Процесс ввода в состав артиллерии танковых дивизий Вермахта самоходной артиллерии коснулся их в незначительной степени. Полный комплект из 12 «Веспе» и 6 «Хуммелей» был только во 2-й

Немецкие истребители Focke-Wulf Fw 190A-5 из состава 1-й группы 54-й истребительной эскадры «Грюнхерц» (*Jagdgeschwader 54 «Grünherz» — «Зеленое сердце»*) в полете на Восточном фронте. 1943 год. В сражении на Курской дуге примут участие три из четырех групп этого знаменитого соединения Люфтваффе

Зенитчики из состава группы армий «Юг» прикрывают переправу через реку. Июнь 1943 года

Начальник штаба 4-й танковой армии генерал-лейтенант Фридрих Фангор (*Friedrich Fangohr; 1899–1956*). Он был ветераном Первой Мировой. После войны служил в рейхсвере. Это был высокопрофессиональный и толковый генерал-штабист. На протяжении всего периода службы в 4-й танковой армии он пользовался большим доверием и авторитетом у ее командующего. Находясь в плену у американцев, написал подробные и интересные воспоминания о подготовке и участии армии в Курской битве

и 4-й танковых дивизиях. Еще 6 «Хуммелей» насчитывалось в 9-й танковой дивизии. Остальные танковые дивизии, использованные 9-й армией в операции «Цитадель», не имели бронированных самоходок в артиллерийских полках.

Если сам по себе план операции «Цитадель» был простым и даже примитивным, то эта незатейливость была с избытком компенсирована замысловатым планом командования группы армий «Юг». Помимо наступления на Курск силами 4-й танковой армии, предполагалось наносить удар на северо-восток силами армейской группы «Кемпф», которая стояла фронтом на восток по реке Северский Донец и ее наступление в любом случае уводило немцев от главной цели — Курска. Тогдашний командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн описал свой замысел следующим образом: *«По мнению командования группы, решающим фактором для использования этих армий было то обстоятельство, что противник вскоре после начала операции бросит в бой свои сильные оперативные резервы, стоявшие восточнее и северо-восточнее Харькова. По меньшей мере, столь же важной, как удар на Курск с целью отсечения находившихся там вражеских сил, была задача обеспечить с востока этот удар от подходящих вражеских танковых и механизированных соединений, нанося встречные удары. Разгром этих сил был также важной целью операции «Цитадель». Армейская группа Кемпфа имела задачу удерживать одним пехотным корпусом полосу обороны на Доне от пункта юго-восточнее Харькова до района Волчанска. Ее танковый и пехотный корпуса (всего 3 танковые и 3 пехотные дивизии) должны были активными действиями обеспечить операции по прорыву у Курска на восток или северо-восток. Для выполнения этой задачи эта группа должна была начать наступление с Донецкого фронта на участке Волчанок — Белгород с целью овладения силами пехотного корпуса рубежа, обращенного фронтом на восток вдоль Корочи, а ее танковый корпус должен был продвигаться на северо-восток в общем направлении на Скородное. Другой танковый корпус в составе двух танковых дивизий, бывший сначала в резерве группы армий, должен был быть переподчинен группе Кемпфа, после того как она овладеет достаточным районом и обеспечит себе свободу действий в северо-восточном направлении. Совместно с упомянутым выше танковым корпусом в бою на открытой местности они должны были разгромить подходящие танковые соединения противника».*

В армейской группе «Кемпф» к операции привлекались 3-й танковый корпус (*III. Panzerkorps*) генерала Германа Брайта и корпус «Раус» (*«Raus»*), названный так по имени своего командира генерала Эрхарда Рауса. Но на этом приеме своеобразия плана операции группы армий «Юг» не ограничивалось. Еще об одном оригинальном ходе немецких стратегов в плену у американцев поведал начальник штаба 4-й танковой армии генерал Фридрих Фангор: *«Фельдмаршал фон Манштейн и генерал Гот подробно обсудили введение в сражение сил и проведение наступления во время пребывания командующего группой армии в штабе 4-й танковой армии 10–11 мая. Генерал изложил несколько новых*

Гиммлеру демонстрируют танк PzKfw T-34/74 (r) — трофейную «Тридцать-четверку», модернизированную в соответствии с немецкими танковыми стандартами

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер инспектирует 2-й танковый корпус СС. Выступая перед офицерами корпуса, он заявил: *«Здесь, на Востоке, решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены и как люди, и как военная сила и захлебнуться в собственной крови»*

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер (в центре) инспектирует 3-ю дивизию СС «Тотenkopf» накануне начала операции «Цитадель». Район Харьковa, июнь 1943 года

Рейхсминистр вооружений и военной промышленности Третьего Рейха Альберт Шпеер (Albert Speer; 1905–1981) осматривает трофейный советский танк Т-34–76. Апрель 1943 года. На «Тридцатьчетверке» установлена 76-миллиметровая пушка образца 1938/39 годов Л-11

Демонстрация «Тигра» из состава 503-го тяжелого танкового батальона членам турецкой военной делегации, возглавляемой министром обороны Турции. Восточный фронт, 26 июня 1943 года. Показ производился в рамках санкционированной Гитлером кампании по втягиванию Турции в войну

идей, касающихся наступления, и фельдмаршал принял их за основу для планирования всех дальнейших операций. Выдвигая эти предложения, генерал учел несколько заметных изменений в расположении советских войск. Было известно, например, что 10-й танковый корпус был сосредоточен в окрестностях Обояни, а в течение нескольких дней в середине июня наблюдалось интенсивное передвижение значительного количества автотранспортных средств из Воронежа к Курску. Одновременно продолжалось значительное сосредоточение сил противника вдоль реки Оскол южнее Курска. Гот пришел к выводу о том, что, возможно, русские осведомлены о наших планах и именно поэтому они переместили свои стратегические резервы на восток, чтобы держать их в боевой готовности.

На основании этой оценки генерал Гот решил, что приказ о наступлении прямо на север вдоль прямой трассы через Обоянь не следует понимать буквально. По мнению Гота, местность и расположение противника существенно препятствовали бы такому продвижению. В районе 20 км на юг от Обояни местность отлого спускалась в направлении севера-востока и севера к р. Псель. И постепенно поднималась снова на другом ее берегу, давая возможность отличного обзора для русских. Местность, пересекаемая р. Псел вокруг Обояни, была слишком узкой из-за большого количества водоемов, а направление течения реки не давало возможности обойти их. Любая русская дивизия, отброшенная

Командующий 4-й танковой армией генерал-полковник (1940) Герман Гот (Hermann Götter; 1885–1971)

Типичный представитель германской военной касты, участвовавший в обеих мировых войнах, в Первой — как офицер Генштаба, во Второй — в качестве командира танковых соединений Вермахта, командующего танковой группой и танковой армией. Как и большинство других немецких высших командиров, Гот был заметно старше своих советских оппонентов. В 1941 году ему было уже 56 лет, и солдаты называли его «Папа Гот». В Германии не было разделившей общество гражданской войны, эмиграции многих талантливых офицеров с боевым опытом, репрессий и увольнений из армии по политическим мотивам, поэтому в Вермахте было немало убежденных сединами командиров, водивших в атаку роты и батальоны еще по опутанным колючей проволокой полям Первой Мировой. Кроме битвы на Курской дуге, Гот участвовал почти во всех значительных сражениях на Советско-германском фронте: Приграничном в Белоруссии, Смоленском, Битве за Москву, операции «Блау» и наступлении на Сталинград в целом, сражении за Харьков весной 1943 года. Именно там, где действовали танки Гота, образовывался наиболее прочный внутренний фронт окружения, прорывы если и имели место, то у его соседей — Гейнца Гудериана или Эриха Гепнера. Ни один другой немецкий военачальник не продержался столь долго на посту командующего танковым объединением, причем не номинально танковым, а действительно состоящим из подвижных соединений. Одним из главных недостатков Гота в глазах потомков стал его слабый литературный талант, неспособность написать яркие и увлекательные мемуары, на страницах которых можно было бы ослепительно высветить свои достижения. Это послужило причиной его относительного забвения в ряду других немецких военачальников Второй Мировой войны.

Немецкие экранированные средние танки PzKpfw III на Курской дуге перед началом операции «Цитадель». На башне первого танка с правой стороны установлены гранатометы NbK 39-калибра 90 миллиметров для постановки дымовых завес

от Белгорода, тем не менее, могла удержаться на новом естественном рубеже обороны за р. Псел, по обеим сторонам Обояни и на юго-востоке от города и нанести наступающим большой урон.

Генерал Гот также понимал, что советский стратегический резерв включает несколько танковых корпусов, быстро вступит в бой, протискиваясь через узкий проход между реками Донец и Псел в районе Прохоровки (около 15 км на северо-восток от Белгорода). Если бы передовые части 4-й танковой армии вступили в тяжелый бой с ними в районе, пересекаемом р. Псел около Обояни, то русские танки могут нанести сильный удар по нашему правому флангу и иметь успех, именно из-за того, что наши танковые дивизии будут ограничены в продвижении р. Псел. Так как эта ситуация могла быстро обернуться катастрофой, Гот понимал, что в его планы не должно входить столкновение с советским бронетанковым резервом около Прохоровки до начала непосредственного наступления на Курск. Он считал жизненно важным ввести в такое сражение самое мощное из имеющихся соединений, с тем чтобы мы могли сначала вынудить противника вступить с нами в бой на выбранной нами территории, не пересеченной р. Псел, на которой наши танковые дивизии могли бы использовать в полной мере свою превосходящую мобильность и силу. Следовательно, после прорыва рубежа обороны противника 2-й танковый корпус СС не должен продвигаться прямо на север вдоль р. Псел, а резко повернуть на северо-восток к Прохоровке для уничтожения танковых сил русских, которые мы надеялись застать именно там».

Таким образом, одним из ключевых моментов в планировании наступления группы армий «Юг» стала забота о защите флангов от контрударов советских резервов. Опыт войны с Советским Союзом убеждал немцев, что контрудары будут. Вопрос состоял только в том, каким образом минимизировать их последствия. Как показали последующие события, оба решения (удар армейской группы «Кемпф» и поворот к Прохоровке) оказали существенное влияние на действия 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова. Одновремен-

но последствием разделения сил на основной и вспомогательный удар стало отсутствие резервов. Теоретически в резерве у Эриха фон Манштейна был 24-й танковый корпус (*XXIV. Panzerkorps*) генерала Вальтера Неринга. Однако его держали на случай наступления Красной Армии в Донбассе и располагался он довольно далеко от Южного фаса Курской дуги. В конечном счете корпус Неринга был использован по своему прямому назначению — для защиты Донбасса. Резервов, готовых к немедленному вводу в сражение, у фон Манштейна не было. Все соединения его ударной группировки начинали операцию «Цитадель», выстроившись в одну линию. Необходимость развить успех на каком-то одном участке требовала вывода из боя дивизии с другого.

Далеко не все соединения к началу «Цитадели» получили предусмотренные новыми штатами самоходно-артиллерийские установки в артиллерийские полки и огнеметные танки. Полностью укомплектован самоходками «Хум-

Дальний разведчик Ju 88D-1 из состава действовавшей севернее широты Кирова эскадрильи 4. (F)/121. В мае–июне 1943 года в период подготовки к операции «Цитадель» немецкие самолеты-разведчики проявили высокую активность. Начальник штаба 48-го танкового корпуса генерал Вильгельм Фридрих фон Меллентин вспоминал: «Каждый квадратный метр Курского выступа был сфотографирован с воздуха. Но, хотя эти снимки и давали представление о расположении русских позиций, их длине по фронту и глубине, они не могли вскрыть систему обороны во всех деталях или дать указание на силу оборонявшихся войск, так как русские — большие мастера маскировки. Мы, безусловно, в значительной степени недооценивали их силы». Действительно, для введения немцев в заблуждение советская сторона в широких масштабах строила ложные аэродромы. Только в полосе действия 2-й и 16-й воздушных армий их при помощи местного населения было построено около полусотни. В июне из 21 налета Люфтваффе на аэродромы ВВС Красной Армии лишь в трех случаях атакам подверглись действующие части

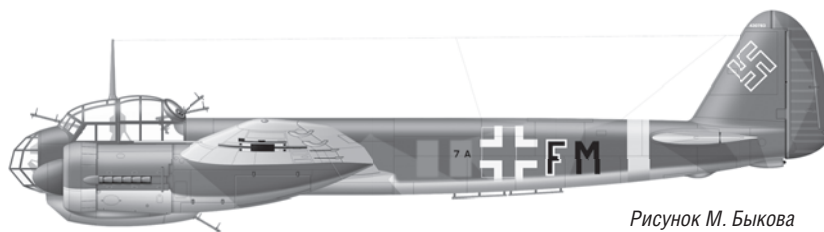
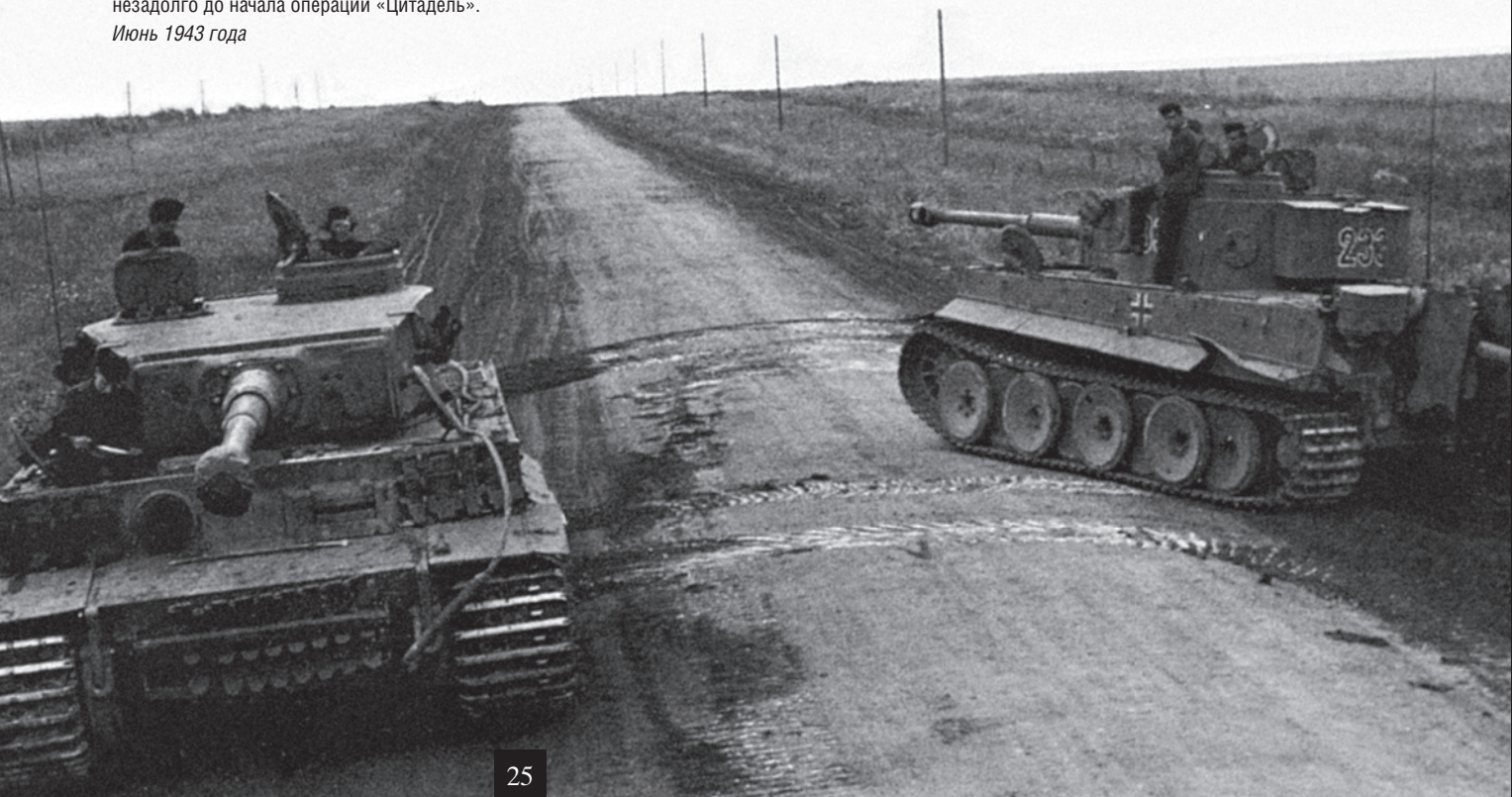

Рисунок М. Быкова

мель» и «Веспе» был только 2-й танковый корпус СС (*II. SS-Panzerkorps*). В артполках всех его соединений было по 12 «Веспе» и 6 «Хуммелей». В 48-м танковом корпусе (*XLVIII. Panzer-Korps*) такой же комплект имела только «Великая Германия». Начали перевооружение 11-я танковая дивизия (*11. Panzer-Division*) (6 «Хуммелей») и 7-я танковая дивизия (*7. Panzer-Division*) (6 «Веспе» и 6 «Хуммелей»).

Несмотря на немногочисленность, эти самоходки играли важную роль на поле боя. Немцы часто формировали так называемую «бронегруппу» из танковых батальонов, батальонов мотопехоты на бронетранспортерах «Ганомог» и бронированных самоходках артполка. Такая бронегруппа могла проходить сквозь заградительный огонь вражеской артиллерии по изрытому воронками полю в разрывы фронта и развивать успех, глубоко вклиниваться в оборону противника. К лету 1943 года в большинстве подвижных соединений Вермахта один-два батальона мотопехоты были посажены на бронетранспортеры (80–100 «Ганомогов») и могли следовать за танками, практически не опасаясь осколков снарядов и бомб.

«Тигры» 503-го тяжелого танкового батальона незадолго до начала операции «Цитадель». Июнь 1943 года

Штурмовик Hs 123A-1 из состава 7/SchG1. Серийное производство этих крылатых машин началось осенью 1936 года. Hs 123A-1 стал последним немецким боевым самолетом, построенным по схеме одноместного одномоторного биплана с однокилевым хвостовым оперением и с неубирающимся в полете колесным шасси

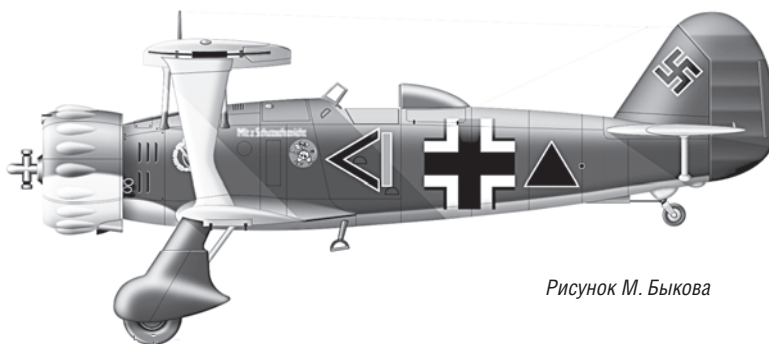

Рисунок М. Быкова

Корпус на острие главного удара 9-й армии Вальтера Моделя получил сразу два батальона самоходно-артиллерийских установок «Штурмгешюц», а его спутники — по одному и только вообще не имевший танков 13-й танковый корпус был усилен двумя батальонами «Штугов». На этом фоне настоящей «сиротой» смотрится 4-я танковая армия на Южном фланге Курской дуги. Однако она получила всего один батальон самоходок, так как ее дивизии уже имели StuGIII, вплетенные в их организационную структуру. Помимо отдельных батальонов «Штурмгешюцев», существовала еще одна форма организации — батальоны самоходно-артиллерийских установок в составе элитных дивизий. Батальон «Штурмгешюцев» панцер-гренадерской дивизии «Великая Германия» насчитывал перед началом сражения 35 машин, столько же самоходок было в эсэсовских дивизиях «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Тотенкопф». Только дивизия СС «Дас Райх» выбивалась из этого ряда и могла выставить 34 самоходки.

Для наступления на Курской дуге немецким командованием было использовано 70% всех самолетов Люфтваффе, имевшихся на Восточном фронте. Лидировала

по числу крылатых машин, выделенных для проведения операции, группа армий «Юг». Несмотря на внушительное количество пикировщиков Ju 87 «Штука», на сцене появились самолеты, которым было суждено стать основой немецких военно-воздушных сил на завершающем этапе Второй Мировой войны. Эскадра штурмовиков SchG1 вооружалась ударными модификациями истребителя FW190. Однако она не была полностью перевооружена на Фокке-Вульффы. Помимо них, в эскадре были двухмоторные штурмовики Hs-129. Можно было найти там и откровенный антиквариат: в 7-м отряде доживали свой век одни из первых немецких пикирующих бомбардировщиков — бипланы Hs123A-1.

Не следует думать, что немецкие войска на Северном фланге Курской дуги остались без противотанковых самолетов. В составе 1-го авиакорпуса группы армий «Центр» был отряд двухмоторных истребителей танков Bf110G-2/R1, вооруженных 37-миллиметровыми ВК-3,7.

Завершить описание немецких войск, выделенных для проведения операции «Цитадель», можно сводными данными о численности соединений в ударных группировках групп армий «Центр» и «Юг». Всего для участия в операции на Курской дуге немецким командованием привлекалось 777 тысяч человек в 44 дивизиях. Из этого числа 335 тысяч человек, 3630 орудий и минометов, 920 танков находились в составе 9-й армии (14 пехотных, 6 танковых и 1 танко-гренадерская дивизии). Еще 110 тысяч человек, 940 орудий и минометов, 31 самоходно-артиллерийская установка входили в состав 2-й армии (7 пехотных дивизий) на западном фланге Курской дуги. Привлеченные к операции войска группы армий «Юг» разделялись между 4-й танковой армией (4 пехотные дивизии, 2 танковые дивизии и 4 танко-гренадерские дивизии) и армейской группой «Кемпф» (3 пехотные и 3 танковые дивизии). Первая насчитывала 223 тысячи человек, 1089 танков, 1774 орудия и миномета, вторая — 108 тысяч человек, 419 танков и самоходок, 1073 орудия и миномета. Распределение сил между корпусами, образовавшими ударные группировки на Северном и на Южном фланге Курской дуги, показано в таблице.

По детализированным данным о численности соединений, показанным в *Приложении*, видно, что разница в количестве войск северной и южной ударных группировок немецких войск не пропорциональна разнице в числе танков и самоходно-артиллерийских установок. Ударная группировка Эриха фон Манштейна обладала существенным пере-

весом над ударной группировкой Вальтера Моделя в числе танков и самоходок, их было вдвое больше. Однако в количестве пехотных батальонов и в артиллерии разница куда менее существенна. Такая разница в результатах двух групп армий была связана скорее с соотношением сил обороны и наступления на том и другом фазе Курской дуги.

Еще одним моментом, на который нельзя не обратить внимания, является состояние противотанковых средств противоборствующих сторон. Несмотря на начавшееся в середине 1942 года перевооружение германских танкистов и противотанкистов на длинно-

вольные 75-миллиметровые пушки, производство броневой снарядов к ним запаздывало. Речь идет о калиберных броневых снарядах с камерой для взрывчатого вещества. В июле 1943 года из 264,5 тысячи израсходованных 75-миллиметровых выстрелов к KwK 40 и StuK 40 (то есть к орудиям среднего танка PzKpfw IV и самоходки «Штурмгешюц») броневые снаряды составляли 46,1 тысячи, подкалиберные — 27,3 тысячи, а кумулятивные — 84,8 тысячи штук. Соответственно из 120,5 тысячи выстрелов, израсходованных в июле 43-го 75-миллиметровыми противотанковыми пушками ПАК-40, броневые снаряды составляли 30,2 тысячи, подкалиберные — 8,5 тысячи, а кумулятивные — аж 43,1 тысячи штук.

Эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что возможности новых длинноствольных пушек танков и самоходно-артиллерийских установок, обладавших высокой начальной скоростью, и противотанковых пушек ПАК-40 использовались немцами далеко не в полной мере. Бронепробиваемость кумулятивного снаряда никак не зависела от его начальной скорости, а тяжелый и трудоемкий в изготовлении длинный ствол в купе с мощными противооткатными приспособлениями кумулятивным снарядам не требовался. Ситуация изменилась практически

Немецкие оружейники готовят к вылету штурмовик-истребитель танков Henschel Hs 129. Зарядка ленты со снарядами к 30-миллиметровой пушке МК-103

Henschel Hs 129B

ШТУРМОВИК-ИСТРЕБИТЕЛЬ ТАНКОВ

Этот одноместный двухмоторный штурмовик был единственным самолетом Второй Мировой войны, созданным специально для борьбы с танками, которые он должен был поражать огнем 30-миллиметровых пушек. Hs 129B, получившие в Люфтваффе прозвище «Консервный нож» (Büchsenöffner), применялись в боях с весны—лета 1942 года. Все четыре отряда, вооруженные «Хеншелями» (около 60 самолетов), были сведены в группу капитана Бруно Майера и направлены в 8-й авиакорпус. Незадолго до начала операции «Цитадель» часть Hs 129 была отправлена в Германию и перевооружена на 30-миллиметровые пушки МК-103, подвешивавшиеся под фюзеляж. Их главным достоинством был более высокий темп стрельбы. В ходе сражения на Курской дуге «Хеншели» использовались на Южном фланге, совершая боевые вылеты с аэродрома Микояновка, расположенного примерно в 20 километрах северо-западнее Харькова. К середине августа боевые потери и износ техники сократили число Hs 129B с 68 перед началом операции «Цитадель» до 27 крылатых машин. Несмотря на тяжелые потери, после Курской битвы противотанковые эскадрильи «Хеншелей» превратились в своего рода «пожарную команду» немецких войск. Теперь Hs 129B перебрасывали из одной «горячей точки» Восточного фронта в другую.

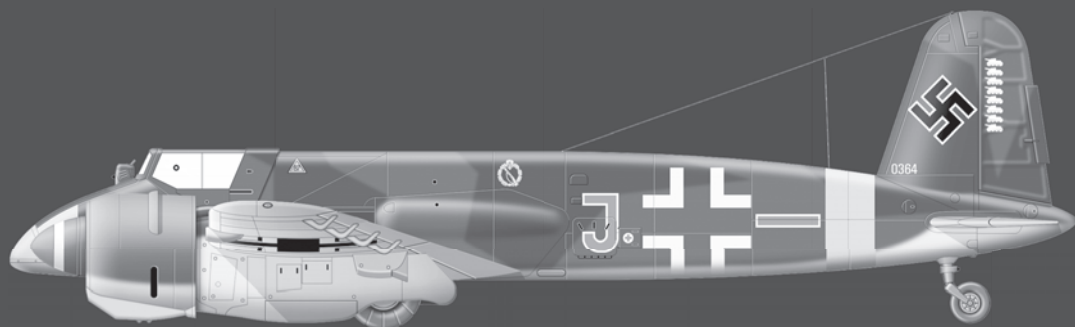

Рисунок М. Быкова

Истребитель танков Hs 129B из состава 8-й (противотанковой) группы штурмовой эскадры SchG 1

Тактико-технические характеристики

Экипаж	1 человек
Максимальная взлетная масса	5 110 кг
Размеры	
Длина × высота × размах крыла	9,75 × 3,25 × 14,20 м
Силовая установка:	
Количество двигателей × мощность	1 × 700 л.с.
Максимальная скорость полета	на высоте 3830 м — 407 км/ч
Скороподъемность	6 м/с
Практический потолок	9000 м
Дальность полета	560 км
Вооружение	2 × 7,92-мм пулемета MG 17 2 × 20-мм пушки MG 151/20 1 × 30-мм пушка МК 101

**Количество самолетов Люфтваффе,
задействованных для проведения операции «Цитадель»
на 5 июля 1943 года**

	1-я авиадивизия группы армий «Центр»	8-й авиакорпус группы армий «Юг»	<i>Всего</i>
Одномоторные истребители	186	153	339
Двухмоторные истребители	55	–	55
Штурмовики	–	176	176
Бомбардировщики	244	308	552
Пикировщики	165	231	396
Разведчики	88	60	148
Другие	–	115	115
<i>Итого</i>	738	1043	1781

на глазах уже после перехода в наступление Красной Армии. В августе 1943 года из 309,9 тысячи израсходованных 75-миллиметровых выстрелов к KwK 40 и StuK 40 бронебойные составляли 86,3 тысячи штук, подкалиберные — 13,3 тысячи, а кумулятивные — 85,4 тысячи. В том же месяце для 75-миллиметровых противотанковых пушек РАК-40 из общего расхода 212,6 тысячи выстрелов 51,7 тысячи составили бронебойные выстрелы, 18,3 тысячи — подкалиберные и 72,5 тысячи — кумулятивные. Более эффективные бронебойные калиберные снаряды стали занимать все большую часть общего расхода выстрелов германскими войсками.

По этим цифрам также легко можно наблюдать возрастание роли танков и самоходно-артиллерийских установок в качестве средства борьбы с себе подобными, танки расстреливали больше 75-миллиметровых выстрелов, чем противотанковые пушки того же калибра. Если прибавить к этим ве-

личинам 13,1 и 24,9 тысячи бронебойных выстрелов, израсходованных «Тиграми» в боях на Курской дуге в июле и августе 1943 года, то складывается вполне однозначная картина. Танки и самоходки с 75-миллиметровыми пушками для Вермахта являлись наиболее эффективным и широко применявшимся средством борьбы с бронетехникой Красной Армии. Именно это определило лицо Курской битвы как «столкновения брони» — танковых боев и сражений.

Планы командования Красной Армии

«Обкатка» пехоты Красной Армии танками накануне сражения на Курской дуге. Длительная пауза в боевых действиях весной и в начале лета 1943 года способствовала усиленной боевой подготовке советских войск. Минометчик М. Г. Абулин вспоминал: «На каждый день «утюжили» наши Т-34 <...> Учились кидать бутылки с горючим, противотанковые гранаты». Были напечатаны и розданы бойцам инструкции по борьбе с новейшими немецкими танками «Тигр» и «Пантера»

Несмотря на твердую убежденность немецкого командования и лично Гитлера в том, что с окончанием периода распутицы Красная Армия перейдет в наступление, советское верховное командование не спешило оправдывать ожидания противника. Харьковская неудача была подобна ледяному душу.

Начиналось все действительно после Харькова. Для стабилизации ситуации после сдачи Харькова под Курск был отправлен сталинский «кризис-менеджер» маршал Г. К. Жуков. 8 апреля он как представитель Ставки Верховного Главнокомандования направил Сталину свои соображения по поводу планов противника на весну–лето 1943 года. Жуков обоснованно считал, что крупных резервов для операции, подобной походу на Кавказ за нефтью в 1942 году, у немцев нет. Как более реалистичный план действий противника он предполагал следующее: *«Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока. Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40 и 21-ю армии».*

Как мы видим, Жуков довольно точно угадал общий замысел «Цитадели» — удар по сходящимся направлениям по Северному и Южному фасу Курской дуги. На этом потенциал Нострадамуса у советского полководца был исчерпан, и в качестве конечной цели немецкого наступления им называлась Москва. Забавно, что это описание появилось ровно за неделю до появления директивы Гитлера на проведение операции «Цитадель». Соотнеся вероятные планы противника с возможностями войск, Жуков делал вывод: *«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучшее будет, если мы измотаем противника на нашей стороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».*

*Представитель Ставки Верховного Главнокомандования
маршал Советского Союза (1943)
Георгий Константинович Жуков (1896–1974)*

Жуков по праву считается самым сильным советским полководцем периода Второй Мировой войны. Это был военачальник, которого направляли на самые сложные и ответственные участки фронта. Для Сталина он выполнял роль своего рода «кризис-менеджера», призванного выводить ситуацию на фронте из глубокого кризиса и превращать поражение если не в победу, то хотя бы сводить вничью противостояние с немецкой военной машиной. Ему доверяли самые многочисленные группировки, поскольку знали, что он справится с управлением фронтом численностью в 800–900 тысяч человек и удельные потери у него будут меньшими, чем у командующих соседними фронтами. Не случайно именно Жуков стал первым из военачальников Красной Армии кому после начала Великой Отечественной войны было присвоено маршальское звание. Помимо ясного ума и сильного характера, он обладал удивительным «чутьем», развитой интуицией. Маршал Победы не просто просчитывал действия противника, что в «тумане войны» само по себе являлось очень трудной задачей, а интуитивно чувствовал, какой именно вариант действий выберут его оппоненты по другую сторону фронта. В сражении на Халхин-Голе в 1939 году, в Приграничном сражении на Юго-Западном фронте и Смоленском сражении летом 41-го — везде он оценивал опасность и стремился решительными действиями предотвратить реализацию замыслов противника. В отличие от многих других советских военачальников Жуков еще в начале Великой Отечественной войны понимал особенности ведения операций крупных механизированных соединений. В немалой степени этому способствовало его «кавалерийское» прошлое: почти четверть века — с 1915 по 1938 год он прослужил в кавалерии. Сильной стороной Жукова являлось также хорошее знание боевой техники и ее возможностей. Он помнил характеристики состоявших на вооружении Красной Армии артиллерийских орудий, танков и самолетов и стремился использовать на поле боя наиболее эффективные образцы. К примеру, в апреле 1945 года для Берлинской операции Жуков вполне осмысленно просил у Сталина лучшие в военно-воздушных силах Красной Армии бомбардировщики — двухмоторные высокоскоростные Ту-2 и тяжелые авиабомбы для них. Как и многие другие

выдающиеся полководцы, Жуков являлся сторонником управления войсками с переднего края. Он не только требовал от командиров видеть поле боя и максимально приближать командные пункты к передовой, но и сам стремился следить за происходящим не посредством чтения донесений, а собственными глазами наблюдая за ходом боевых действий. Так же как лучшие военачальники противника — Вальтер Модель, Гейнц Гудериан и Эрвин Роммель, Жуков выбирал наблюдательный пункт, близкий к переднему краю, и настаивал, чтобы командиры подчиненных ему объединений и соединений находились возможно ближе к тому месту, где идет сражение, и управляли им, собственными глазами наблюдая за развитием боевой обстановки. Все эти качества сделали Жукова великим полководцем, заслужившим лавры победителя в крупнейших и решающих сражениях не только Великой Отечественной, но и Второй Мировой войны.

Маршал Г. К. Жуков с генералом армии И. С. Коневым (в центре) и офицером его штаба. 1943 год

Командующий Центральным фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский встречает делегатов Казахской ССР, прибывших для вручения подарков воинам фронта. Район Курск, апрель 1943 года

Командующий 11-й гвардейской армией генерал-лейтенант И. Х. Баграмян (слева) и «всесоюзный староста» — Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин после вручения государственной награды в Кремле. Апрель 1943 года

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин (в центре) и член Военного совета генерал-лейтенант Н. С. Хрущев (слева) вручают гвардейское знамя 5-му гвардейскому Сталинградскому танковому корпусу. Район станции Ржава, 7 мая 1943 года. Крайний справа — командир соединения генерал-майор А. Г. Кравченко

Здесь стоит обратить внимание на фразу «переход наших войск в наступление в ближайшие дни». В начале апреля Жуков не предлагал «преднамеренную оборону» на всю летнюю кампанию 1943 года. Маршал лишь говорил о ближайших днях, которые при широком толковании можно интерпретировать как «несколько недель». Но не более того.

Важнейшим фактором принятия решений советским командованием стали данные разведки. В отличие от многих других оборонительных операций, летом 1943 года у советского верховного командования были действительно весомые данные разведки относительно планов противника. Они были получены задолго до начала «Цитадели» — весной 43-го. Самое важное разведывательное донесение поступило 7 мая. В этот день в Государственный Комитет Обороны за № 136/М сообщение своей лондонской резидентуры направил Народный Комиссариат Государственной Безопасности СССР. В сообщении приводился текст перехваченной британской разведкой

Командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и член Военного совета фронта генерал-майор К. Ф. Телегин перед началом сражения на Курской дуге inspectируют подразделения на передовой

Бойцы Красной Армии строят оборонительные сооружения перед началом сражения на Курской дуге

Танковые подразделения Воронежского фронта выдвигаются на учения. Апрель 1943 года

Учения огнетчиков немецкой 4-й танковой армии под Харьковом накануне начала операции «Цитадель». 1943 год

телеграммы генерал-фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса от 25 апреля в адрес оперативного отдела штаба Верховного командования. Эта информация была получена через разведывательную сеть в Великобритании. Документ передал известному впоследствии советскому разведчику Киму Филби один из членов «Кембриджской пятерки» Джон Кернкросс, работавший в главной дешифровальной службе туманного Альбиона — Правительственной школе кодов и шифров (*Government Code and Cypher School*) в Блетчли-Парк.

В перехваченной и дешифрованной британцами телеграмме Вейхса подробно излагался план операции «Цитадель» и оценка состояния советских войск на этот момент. Через двадцать дней в Генеральный штаб поступило спецсообщение 1-го Управления (разведка за границей) НКГБ СССР, в котором указывались направления ударов германских войск на линии Курск–Белгород–Малоархангельск. Вечером 8 мая последовала директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30123, предупреждающая фронты о возможном немецком наступлении: *«По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10–12 мая на орловско-курском или белгородско-обоянском направлении, либо на обоих направлениях вместе. Ставка Верховного главнокомандования приказывает: к утру 10 мая иметь все войска как первой линии обороны, так и резервов и в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары*

Генерал-фельдмаршал Максимилиан фон Вейхс (*Maximilian von Weichs; 1881–1954*). Перехват его радиogramмы британской разведкой позволил советскому командованию вскрыть планы немецкого командования на летнюю кампанию 1943 года

Боевая подготовка советских войск накануне Курской битвы. Обкатка танком расчета противотанкового ружья

Сотрудник главной дешифровальной службы Великобритании Джон Кернкросс (*John Cairncross*; 1913–1991). С 1935 года он был агентом советской разведки. Его имя стало известно британским контрразведчикам только в 1990 году

Средние танки Т-34, изготовленные сверх плана для Уральского добровольческого танкового корпуса на Уральском заводе тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе в Свердловске. Нижний Тагил, 1943 год

авиации противника, но и с первого же момента его активных действий — завоевать господство в воздухе».

Как мы знаем, никакого наступления в мае не последовало — Модель уговорил Гитлера не начинать операцию. Еще одна тревога имела место десять дней спустя, когда в ночь на 20 мая из Ставки пришла директива, начинавшаяся словами «По сведениям, полученным от агентурной разведки, немцы намечают начать наступление на нашем фронте в период 19–26 мая». Немецкого удара вновь не последовало.

Теоретически в мае мог произойти поворот в советской стратегии. Войска в значительной мере восстановили силы, и можно было готовиться к активным действиям. Однако к тому моменту стратегия

«преднамеренной обороны» уже пустила глубокие корни. А. М. Василевский вспоминал: «Как же выглядела вся наша полоса преднамеренной обороны? Накануне вражеского наступления картина была следующей. По Дону, от Лебедяни через Задонск, Хлевное, Семилуки, Лиски и Павловск к Верхнему Мамону, шла линия укреплений «государственного рубежа обороны» (ГРО). Перед ней располагались стратегические резервы советских войск. Севернее, в тылу левого крыла Западного, а также Брянского фронта, они охватывали 11-ю (у Калуги), 4-ю гвардейскую (у Тулы) и 3-ю гвардейскую танковую (у Верхоулья) армии и помимо того ряд соединений возле Мосальска, Мещовска, Плавска и Ефремова. Западнее ГРО находился Степной фронт (между Красной Зарей и Ливнами — 27-я армия, у Касторного — 53-я армия, между Средней Апочкой и Гнильем — 5-я гвардейская армия, а также ряд соединений западнее Воронежа и у Старого Оскола)».

Дополняя сказанное А. М. Василевским, можно добавить следующее. Еще 5 апреля 1943 года приказом Ставки был образован Резервный (впоследствии Степной) фронт. Тогда в него вошли 2-я резервная, 24, 66, 46, 47 и 53-я армии и 5-я гвардейская танковая армия, а также 1, и 4-й танковые корпуса, 10-й танковый, 1-й и 5-й механизированные корпуса. Центром дислокации Резервного фронта стал Воронеж. 13 апреля Резервный фронт был переименован в Степной военный округ. На 1 июля 1943 года в его состав входили: 4-я гвардейская армия, 5-я гвардейская армия, 27, 47 и 53-я армии, 5-я гвардейская танковая армия, 5-я воздушная армия, 4-й гвардейский танковый корпус, 3-й гвардейский механизированный корпус, 1-й

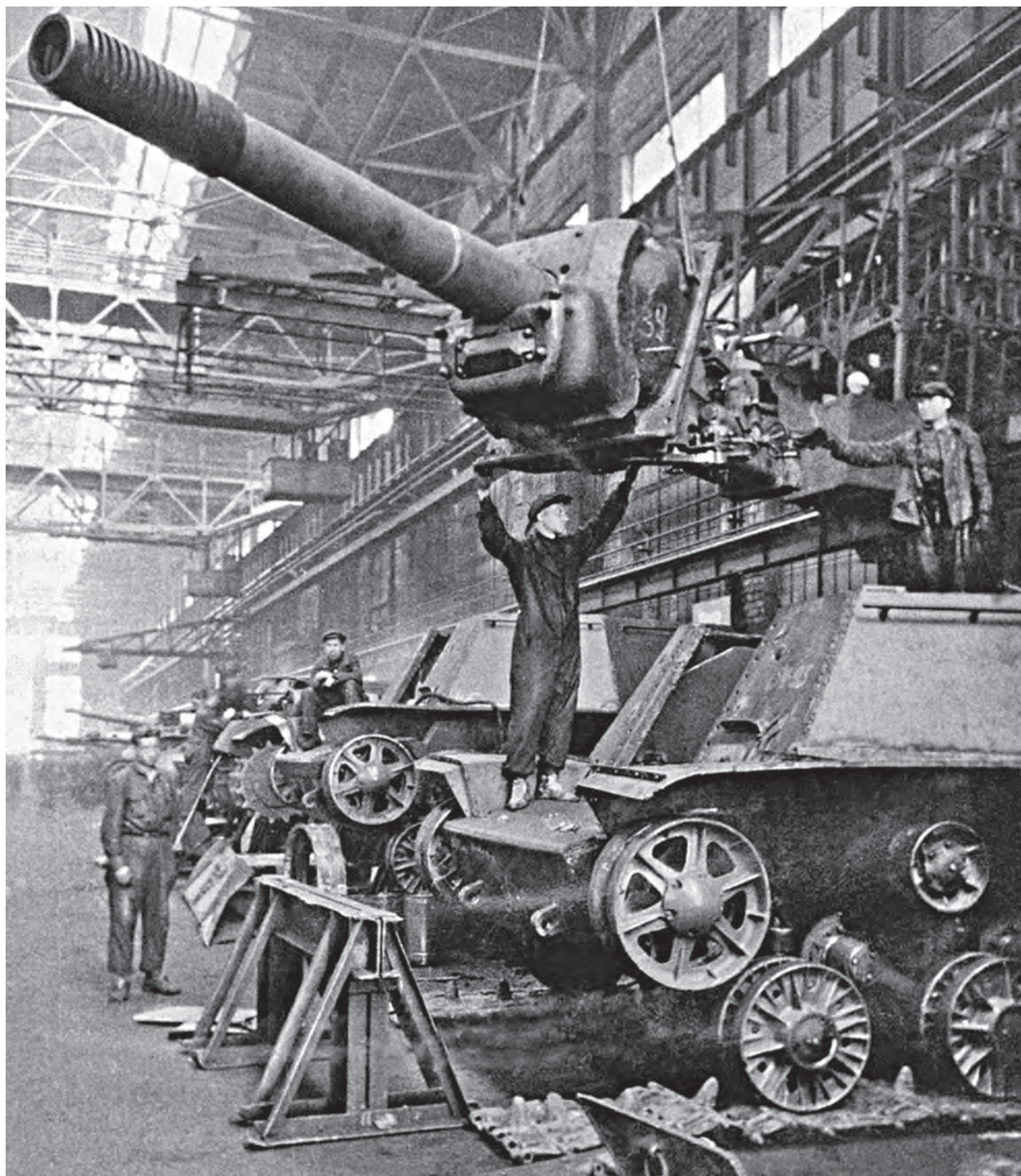
рациям, позднее получившим кодовые наименования «Кутузов» и «Полководец Румянцев». Идея снизить ударные возможности немецких танковых войск в обороне была очень заманчивой. Ожидание удара противника продолжилось.

Томительное ожидание удара противника изматывало нервы, но одновременно у обороняющегося было более чем достаточно времени на подготовку оборонительных рубежей в инженерном отношении. Проблема была только в том, что усилия обороны расплывались на большом пространстве. Однако данные разведки не давали исчерпывающего ответа на вопрос о месте нанесения ударов. Более того, не было даже точных сведений о наряде сил противника для наступления на Северном и Южном фасах Курской дуги. Маршал Г. К. Жуков впоследствии вспоминал: *«Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовали 8 танковых, одна моторизованная дивизии, 2 отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий. В них было до 1500 танков и штурмовых орудий. Танковая группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, насчитывала лишь 1200 танков и штурмовых орудий. Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справится с отражением наступления противника, чем Воронежский фронт».*

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский (1895–1977)

Родился в семье псаломщика, учился в духовной семинарии. С 1915 года сражался на полях Первой Мировой войны, дослужился до чина штабс-капитана. В 1919 году был призван в Красную Армию. Гражданскую войну закончил командиром батальона. Последней предвоенной командной должностью Василевского был командир полка. После этого он полностью перешел на штабную работу и занимал различные должности в центральных управлениях Красной Армии и Генеральном штабе. В итоге в его карьере в промежутке между комполка и командующим 3-м Белорусским фронтом в победном 1945 году не оказалось ни командования дивизией, ни корпусом, ни армией. Поэтому к началу Великой Отечественной войны генерал-майор Василевский мог похвастаться только юбилейной медалью «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и орденом Красной Звезды. Его профессией было военное планирование, причем самого высокого уровня. Опыт войны достаточно быстро привел к появлению такой должности, как представитель Ставки Верховного Главнокомандования на фронте. Представители Ставки не заменяли командующих фронтами, но контролировали их действия, как сам Василевский описал свою задачу в штабе Калининского фронта в декабре 1941 года: *«Лично передать командующему фронтом директиву на переход в контраступление и разъяснить ему все требования по ней».* Представитель Ставки обладал достаточными полномочиями для принятия решений, в том числе наперекор командованию фронта. Несмотря на то что в июне 42-го Василевский был назначен начальником Генерального штаба, он одновременно выполнял обязанности представителя Ставки. Это означало, что большую часть времени он проводил не в Генштабе в Москве, а в войсках. При этом Василевский являлся едва ли не идеальным представителем Ставки, будучи опытным штабистом, способным со всей скрупулезностью вникать в готовящиеся планы операций. Вместе с тем постоянные разъезды по фронтам с трудом совмещались с исполнением обязанностей начальника Генерального штаба, что в итоге и заставило Василевского попросить Сталина освободить его от этой должности. В 1945 году штурмовать Кенигсберг и громить японскую Квантунскую армию в Маньчжурии ему довелось уже на сугубо командных должностях.

Монтаж 152-миллиметровой гаубицы-пушки МЛ-20 С в карданной установке рамного типа на корпус тяжелой советской самоходно-артиллерийской установки СУ-152. Кировский завод наркомтанкопрома в г. Челябинске, 1943 год

Обоз 27-й отдельной тяжелой артиллерийской бригады
Воронежского фронта. Июль 1943 года

Накануне сражения на Курской дуге в Красной Армии велась настоящая «охота» за пушечными снайперами. Лучшие наводчики орудий приглашались в истребительные противотанковые полки. По приказу Ставки Верховного главнокомандования им увеличили денежное содержание и паек. Наводчики, упражняясь в стрельбе по движущимся макетам «Тигров», достигали высочайшего мастерства, попадая из пушки по стволу танкового орудия, командирской башенке или в смотровой прибор механика-водителя

Главное направление обороны

На основании оценки обстановки командующий войсками Центрального фронта генерал армии К. К. Рокоссовский считал, что противник перейдет в наступление против войск правого крыла фронта, нанося главный удар на Поньри, Золотухино, Курск и вспомогательные удары от Змиевки на Дросково и от Тросны вдоль правого берега реки Тускарь на Курск.

В соответствии с этим Рокоссовский решил сосредоточить основные силы фронта на своем правом крыле на участке от Туровец до Рождественское протяжением 95 километров. В первом эшелоне намечалось иметь все три общевойсковые армии, во втором эшелоне — 2-ю танковую армию и в резерве — два танковых корпуса (9-й и 19-й). Контрудары вторым эшелonom и резервами с привлечением сил и средств первого эшелона планировалось нанести на всех трех направлениях возможных действий противника. В центре оборонительной группировки на фронте в 32 километра была развернута 13-я армия генерал-лейтенанта Н. П. Пухова. В состав армии входили двенадцать стрелковых дивизий. Правее занимала оборону на фронте в 38 километров 48-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко в составе семи стрелковых дивизий. Левее 13-й армии до Рождественского находились войска правого крыла 70-й армии генерал-лейтенанта И. В. Галанина, в составе пяти дивизий.

Всего, таким образом, на 95-километровом участке, где ожидалось наступление противника, были развернуты 24 стрелковые дивизии из 41 дивизии и четырех бригад, которыми располагал Центральный фронт, или 58% всех стрелковых дивизий

Бойцы Красной Армии изучают противотанковое однозарядное ружье образца 1941 года системы Дегтярева (ПТРД). *Курская дуга, 1943 год.* Оно было принято на вооружение через два месяца после начала войны и предназначалось для борьбы с легкими и средними танками, бронемашинами противника на расстояниях до 500 метров. Также из ПТРД можно было вести огонь по ДОТам, ДЗОТам и огневым точкам, прикрытым броней, на расстояниях до 800 метров и по самолетам на расстояниях до 500 метров. К лету 1943 года противотанковые ружья были уже почти бесполезны против модернизированных и новейших немецких танков

фронта. При этом 10 стрелковых дивизий обороняли главную полосу обороны. Ширина их полос колебалась от 6 до 12 километров, за исключением правофланговой дивизии 48-й армии, оборонявшей участок протяженностью 18 километров. Девять стрелковых дивизий были развернуты на второй оборонительной полосе, где ширина их составляла 8–14 километров. Наконец, пять стрелковых дивизий 13-й армии располагались в районе армейской оборонительной полосы.

Для обороны остального участка фронта протяженностью свыше 200 километров командующий фронтом выделил только 17 стрелковых дивизий и четыре стрелковые бригады. Его занимали левофланговый корпус 70-й армии в составе трех дивизий, 65-я армия, состоявшая из девяти стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады, и 60-я армия в составе пяти стрелковых дивизий и трех стрел-

Командующий 48-й армией Центрального фронта генерал-полковник П. Л. Романенко

Командующий Центральным фронтом Константин Константинович (Ксаверьевич) Рокоссовский (1896–1968), во время сражения на Курской дуге — генерал-полковник

В 1920-х гг. указывал в автобиографии как место своего рождения Варшаву. Однако к иностранцам в СССР относились настороженно, и польскую столицу скоро сменили нейтральные Великие Луки. Как и многие гении маневренной войны, он начинал в кавалерии. В начале Первой мировой войны добровольцем вступил в Каргапольский драгунский полк. Отличился при проведении конной разведки, за что был удостоен Георгиевского креста 4-й степени и звания ефрейтора. С 1917 года в Красной Армии. В 1935-м получил звание комдива, но в 1937-м был уволен из РККА и арестован. Три года Рокоссовский содержался во внутренней тюрьме управления НКВД в Ленинграде. В 1940 году он был освобожден и получил звание генерал-майора. В самом начале Великой Отечественной войны командовал механизированным корпусом в сражении под Дубно–Луцком–Бродами, который активной обороной изматывал силы Вермахта, отступая только по приказу. В 1942 году при его участии был разработан план операции «Уран» по окружению и уничтожению группировки Вермахта, наступавшей на Сталинград, в 1943-м — сражения на Курской дуге, а в 1944-м, совместно с Жуковым и Василевским, план операции по освобождению Белоруссии. Как и Жуков, Рокоссовский был полководцем с «кавалерийским» мышлением, выходцем из среды кавалерийских командиров. В контексте Второй мировой войны это означало способность к ведению маневренных операций, правильной оценке угрозы флангам и готовности идти на оправданный риск. При этом, в отличие от вспыльчивых харизматиков, Рокоссовский как никто другой умел сплачивать своих подчиненных в целеустремленную команду. Подчеркнуто корректное отношение к командующим армиями и корпусами способствовало доверительной и рабочей атмосфере в командовании фронтом, отсутствию ненужной нервозности. Вместе с тем Рокоссовскому был ближе кабинетный стиль управления, когда командующий не разъезжает по передовой, а постоянно находится в центре сети связи доверенного ему объединения. Рокоссовский считал именно такой метод наиболее эффективным и к поездам на передовую прибегал в исключительных случаях. Такой подход к руководству также имеет право на существование. 24 июня 1945 года он командовал Парадом Победы на Красной площади. В 1949–1956 годах был министром национальной обороны Польши. Когда в 1962-м Хрущев попросил Рокоссовского написать антисталинскую статью, маршал ответил: «Товарищ Сталин для меня святой!» и на следующий день был снят с поста замминистра обороны СССР. За день до смерти он подписал в печать свои мемуары.

Командир роты средних танков старший лейтенант Т. Логвинов с членами экипажа. *Центральный фронт, июль 1943 года*

Командир 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии генерал-лейтенант А.Л. Бондарев. *Июль 1943 года*

Командир 15-го стрелкового корпуса 13-й армии генерал-майор И. И. Людников. *Июль 1943 года*

На наблюдательном пункте Центрального фронта севернее станции Поньри. *Лето 1943 года. В центре — командующий фронтом К. К. Рокоссовский*

ковых бригад. Левофланговый корпус 70-й армии на своем участке протяжением 38 километров развернул на главной полосе обороны две дивизии и на второй полосе обороны — одну дивизию. Войсками 65-й армии генерал-лейтенанта П. И. Батова и 60-й армии генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского была занята только главная полоса обороны. Для этого были задействованы две трети сил этих армий — девять стрелковых дивизий и три стрелковые бригады. Остальные стрелковые соединения (пять дивизий и одна бригада) располагались вблизи от второй полосы обороны, составляя второй эшелон стрелковых корпусов и армейский резерв.

Всего в подчиненных Центральному фронту армиях и частях резерва фронта на 5 июля 1943 года насчитывалось 464 179 человек, 1483 танка в строю и 41 в ремонте. Более подробные данные по численности Центрального фронта приведены в *Приложении*. Развернутые данные показывают,

Командир 18-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии генерал-лейтенант И. М. Афонин

Командир 28-го стрелкового корпуса 70-й армии генерал-лейтенант А. Н. Нечаев

Командующий артиллерией Центрального фронта генерал-полковник В. И. Казаков (1898–1968)

Командующий 70-й армией генерал-майор И. В. Галанин

Командующий артиллерией Центрального фронта генерал-полковник В. И. Казаков со своими заместителями. Курская дуга, июнь 1943 года. Слева направо: генерал-майор М. А. Шамшин, генерал-майор В. И. Шебанин, генерал-майор В. Н. Поздняков, генерал-майор Г. С. Надысев

что 13-я армия была сильнейшей и самой многочисленной в составе Центрального фронта. Также в армии Н. П. Пухова была собрана мощная группировка артиллерии, включающая 203-миллиметровые гаубицы и 152-миллиметровые гаубицы-пушки. Вместе с тем нельзя не отметить, что из 144 152-милли-

метровых орудий, имевшихся в составе войск Центрального фронта, лишь 42 были переданы в 13-ю армию, сравнимое количество стволов было в 70-й армии — 36 штук. Если бы направление удара противника действительно было определено со стопроцентной точностью, то тяжелые орудия не расплылись бы по нескольким объединениям и не выводились бы в резерв фронта. Схожая картина наблюдается и в отношении бронетехники (см. Приложение).

К примеру, 48-я армия, впоследствии практически не затронутая немецким наступлением, отнюдь не обижена бронетехникой. Ей даже

Расчет советского противотанкового 45-миллиметрового орудия занимается боевой подготовкой накануне сражения на Курской дуге

Командующий 65-й армией Центрального фронта П.И. Батов (1897–1985)

Командование Центрального фронта накануне начала сражения на Курской дуге. *Июнь 1943 года. Слева направо:* командующий фронтом генерал К.К. Рокоссовский, полковник М. Ф. Иоффе (с карандашом), генерал К. Ф. Телегин, генерал М. М. Стахурский, генерал В. И. Казаков, генерал М. С. Малинин, генерал С. И. Руденко (с сигаретой), генерал И. Г. Захаркин, генерал А. И. Прошляков

Командующий 60-й армией Воронежского фронта генерал-лейтенант И.Д. Черняховский (1906–1945).

достался один из двух тяжелых самоходных полков (СУ-152), а также два обычных самоходных артиллерийских полка, столько же, сколько в 13-й армии. Также фронт имел возможность выдвигать бронетехнику на ключевые направления из своего резерва. Большая часть танков находилась в непосредственном подчинении штаба фронта в составе 2-й танковой армии, 9-го танкового корпуса (125 Т-34, 68 Т-60) и 19-го танкового корпуса (107 Т-34, 25 Т-70, 36 Т-60, 19 МКII и МКIII).

В составе танковых войск 48-й армии Центрального фронта име-

лось немалое количество танков, поставленных по ленд-лизу. Это были 45-й (9 легких М3 «Стюарт», 30 средних М-3 «Грант» и 8 СУ-76), 193-й (55 средних М3 и 3 СУ-76) и 229-й (38 средних М4 А2 «Шерман») отдельные танковые полки.

Майор Иванов проводит занятия с танкистами.
Воронежский фронт, июль 1943 года

Французские летчики из состава эскадрильи «Нормандия», сражавшиеся с немцами на Восточном фронте, рядом с истребителем Як-1Б. В день начала Курской битвы, 5 июля 1943 года, эскадрилья была преобразована в полк «Нормандия», в состав которого входили три эскадрильи, носившие названия крупных нормандских городов — «Руан», «Гавр» и «Шербур»

Отличный повар роты гвардии красноармеец М. В. Федотов раздает пищу бойцам одной из частей Центрального фронта.
Лето 1943 года

На широком фронте

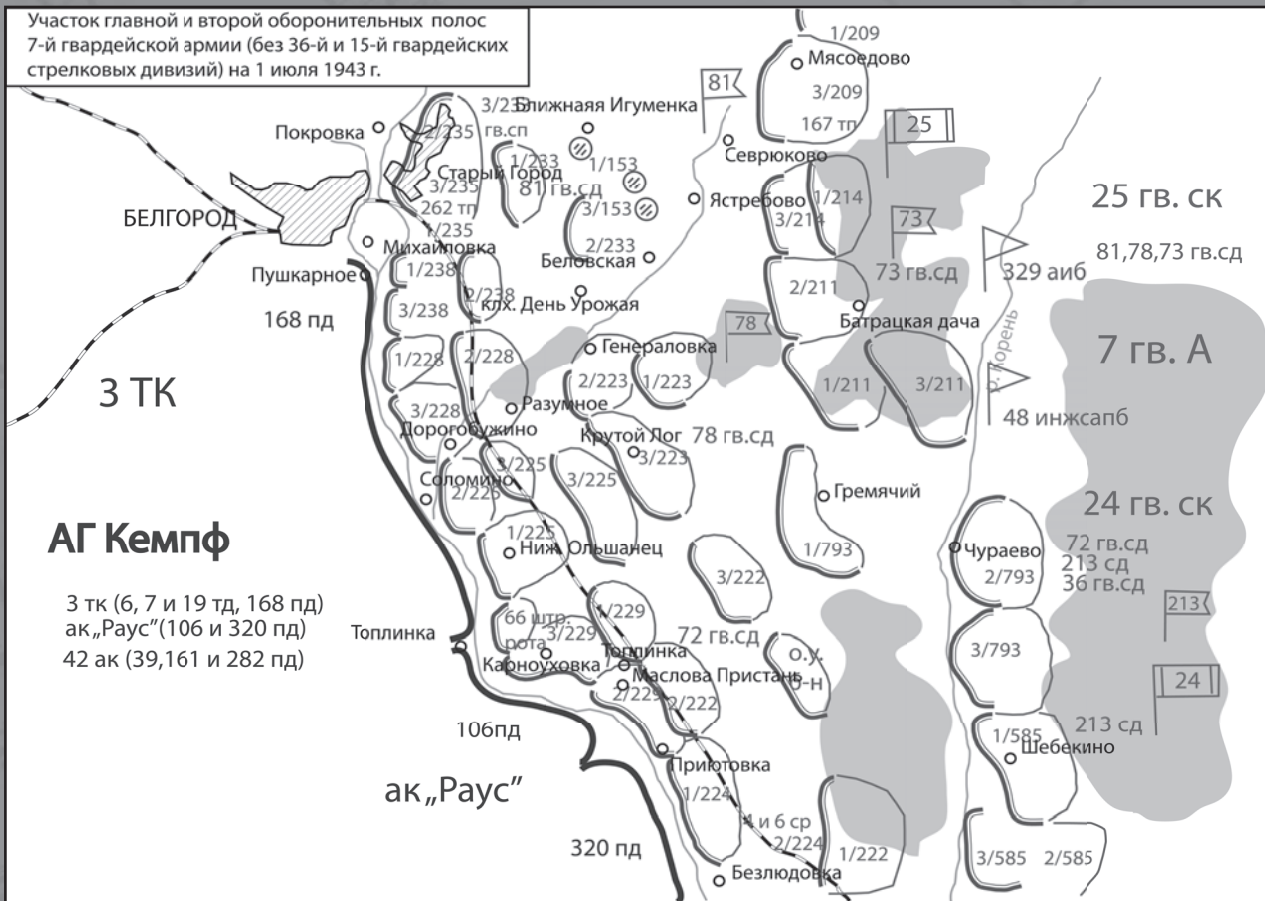
Бойцы Воронежского фронта готовят оборонительные позиции на Курской дуге. *Июнь 1943 года.* Еще никогда до этого части Красной Армии не имели столько времени для подготовки к грядущим боям, и они не теряли время даром. Только в полосе Воронежского фронта было открыто 4200 километров траншей, построено 500 километров противотанковых заграждений. Количество запасных позиций для танков и противотанковой артиллерии исчислялось тысячами

Исходя из общей оценки обстановки, командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин считал возможным наступление противника в трех направлениях: из района западнее Белгорода на Обоянь, от Белгорода на Корочу или из района западнее Волчанска на Новый Оскол, причем первые два направления он считал наиболее вероятными для главного удара врага. Исходя из такой оценки вероятных действий немецких войск, командующий фронтом сосредоточил свои основные силы в центре и на левом крыле фронта на участке протяженностью в 164 километра, что составляло две трети от общей протяженности фронта. На всех трех вероятных направлениях наступления противника были подготовлены контрудары вторыми эшелонами и резервами с привлечением сил и средств первого эшелона.

В первом эшелоне Воронежского фронта занимали оборону четыре общевойсковые армии. В центре и на левом крыле оборонялись три армии в составе семи стрелковых дивизий каждая: 40-я армия К. С. Москаленко от Краснополья до Трефиловки на участке протяженностью в 50 километров; 6-я гвардейская армия И. М. Чистякова от Трефиловки до Белгорода на участке в 64 километра; 7-я гвардейская армия М. С. Шумилова от Белгорода до Волчанска на участке в 50 километров. Таким образом, всего на 164-километровом участке, где ожидалось наступление противника, в первом эшелоне фронта была развернута 21 стрелковая дивизия. Двенадцать дивизий (по четыре дивизии в каждой армии) занимали главную полосу обороны, восемь дивизий были развернуты на второй полосе обороны и одна дивизия — на армейской полосе обороны за левым крылом 40-й армии. На правом крыле Воронежского фронта против правого фланга 2-й немецкой армии, в полосе протяжением в 80 километров, занимала оборону 38-я армия в составе шести стрелковых дивизий, из которых пять дивизий занимали главную полосу обороны, и только одна дивизия находилась во втором эшелоне правого флангового корпуса и располагалась в районе второй полосы обороны.

Во втором эшелоне Воронежского фронта находились: 1-я танковая армия (31-й и 6-й танковые и 3-й механизированный корпуса), прикрывавшая

Участок главной и второй оборонительных полос 7-й гвардейской армии (без 36-й и 15-й гвардейских стрелковых дивизий) на 1 июля 1943 г.

направление Обоянь, Курск; 69-я армия (пять стрелковых дивизий, развернутых на армейской полосе обороны 6-й и 7-й гвардейских армий), прикрывавшая направления Белгород, Короча и Волчанск, Новый Оскол. Наконец в резерве Воронежского фронта находились 35-й гвардейский стрелковый корпус (три дивизии), развернутый на левом фланге первого оборонительного рубежа, а также 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса.

Несколько месяцев затишья позволили советскому командованию восстановить силы после

кровавой зимней кампании 1942/43 года. К 1 апреля 1943 года из 29 дивизий, входивших в состав Воронежского фронта, 7 стрелковых дивизий имели от 1500 до 2200 человек; 5 стрелковых дивизий имели от 3500 до 4500 человек; 2 стрелковые дивизии имели от 4500 до 5000 человек; 4 стрелковые дивизии имели от 5000 до 6000 человек; 7 стрелковых дивизий имели от 6000 до 7500 человек; 4 стрелковые дивизии имели от 8000 до 10000 человек.

Последние во многом были колоссами на глиняных ногах. В дивизиях, насчитывавших от 8000 до 10000 человек, значительная часть бойцов были из числа мобилизованных на освобожденной территории. Требовалось обучить их и подготовить, а также пополнить дивизии-«инвалиды» до приемлемой численности. Несмотря на потери, понесенные Воронежским фронтом с 1 апреля по 1 июля 1943 года в количестве 36500 человек, за этот период удалось восстановить стрелковые дивизии в численности от 8500 до 9000 человек, за исключением дивизий 69-й армии, которые к началу немецкого наступления насчитывали до 8000 человек. Стрелковые роты дивизии были доведены до численности от 120 до 136 человек, в за-

висимости от укомплектованности дивизий. Добиться этого, без преувеличения, выдающегося результата удалось за счет вливания в ряды частей фронта 173 980 человек. При этом маршевого пополнения было получено всего 49 497 человек. Еще 41 579 человек дала мобилизация на освобожденной от оккупантов территории, 10 160 человек — армейские госпитали, 15 485 человек — фронтовые госпитали, 36 492 человека изъяли из тыловых частей.

Эти статистические данные позволяют сделать несколько важных умозаключений. Во-первых, смещение на запад линии фронта в зимнюю кампанию 1942/43 года вернуло контроль над немалыми людскими ресурсами, ранее находившимися в оккупированных областях страны. Поступление от мобилизации на освобожденной территории было практически равно маршевому пополнению. Во-вторых, длительная пауза в боевых действиях позволила вернуть в строй немалое число раненых бойцов и командиров. Это касалось не только Воронежского фронта. Всего в Красной Армии на 1 июля 1943 года в госпиталях числилось 731 420 человек — один из самых низких показателей за всю войну. Например, на 1 января 1944 года в госпиталях числилось 1 255 302 человека, на 1 июня того же года — 970 349 человек. Более низкие показатели по числу раненых на излечении были в периоды, когда советские войска отступали и раненые становились пленными — летом и осенью 1941 года, в июле 42-го. Время несомненно работало в пользу Красной Армии. Это касалось накопления как людских резервов, так и боеприпасов.

Ошибка с определением направления главного удара немцев на Курской дуге усугублялась спецификой полосы обороны Центрального и Воронежского фронтов. На Северном фасе задача обороняющегося была проще, полоса местности, пригодная для действий крупных масс танков на Центральном фронте К. К. Рокоссовского, была достаточно узкая. Ее ширина составляла 95 километров, то есть 31% полосы фронта. Напротив, на Южном фасе местность была открытая, на многих направлениях пригодная для наступления танковых объединений, 67% полосы Воронежского фронта (164 километра) могло быть использовано для наступления танков. Это заставило Н. Ф. Ватутину размазать подчиненные ему войска на широком фронте, со значительным снижением плотности войск на реальном направлении удара немцев.

Как это ни парадоксально звучит, но 40-я армия К. С. Москаленко, которая оказалась в стороне от направления главного удара 4-й танковой армии Германа Гота по ряду позиций, превосходила 6-ю и 7-ю гвардейские армии. Во-первых, 40-я армия была единственной на Воронежском фронте, построенной в три эшелона. Правый фланг армии Москаленко строил оборону в три эшелона, третьим была 184-я стрелковая дивизия. При этом плотность обороны на правом фланге 40-й армии превосходила таковую в соседней 6-й гвардейской армии. Две дивизии 52-го стрелкового корпуса занимали здесь оборону на фронте 11 и 12 километров. Ни одно соединение 6-й гвардейской армии не занимало такой узкий фронт. В 40-й армии фронт в 11–12 километрах занимали три дивизии из четырех в первом эшелоне. Во-вторых, среди войск Воронежского фронта 40-я армия была абсолютным лидером по числу 45-миллиметровых противотанковых пушек (445 единиц), 76,2-миллиметровых полковых пушек (105 единиц), 120-миллиметровых и 82-миллиметровых минометов (277 и 284 единицы

Командир 35-го гвардейского стрелкового корпуса Воронежского фронта генерал-майор С. Г. Горячев

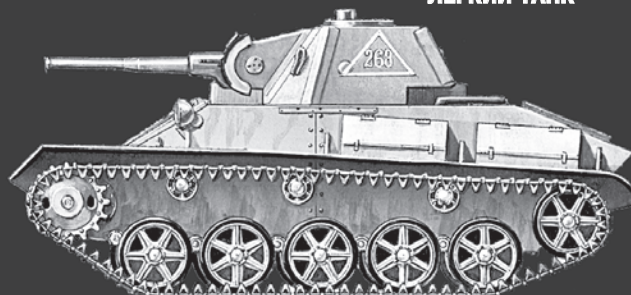

Командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков (1900–1979). Его 21-я армия, отличившаяся в битве за Сталинград, в апреле 1943 года была преобразована в 6-ю гвардейскую. До конца войны Чистяков оставался ее бессменным командующим

Командующий 40-й армией Воронежского фронта генерал-полковник К. С. Москаленко (1902–1985). В составе легендарной Первой Конной армии он участвовал в Гражданской войне и воевал против войск генерала П. Н. Врангеля и атамана Н. И. Махно. В 1942 году его 1-я гвардейская армия внесла большой вклад в оборону Сталинграда. В октябре 1943-го за форсирование Днепра он будет награжден медалью «Золотая Звезда». В 53-м Москаленко возглавил группу военных, арестовавших Лаврентия Берия, и участвовал в следствии по делу сталинского сподвижника. В 1960 году он станет вторым в истории Советских Вооруженных Сил Главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. 12 апреля 1961 года на космодроме Байконур за несколько минут до первого полета человека в космос Москаленко будет принимать рапорт у Юрия Гагарина

T-70 ЛЕГКИЙ ТАНК

Этот советский легкий танк был разработан осенью 1941 года для замены менее мощного Т-60. Летом 1943 года Т-70 составляли заметную часть танкового парка механизированных соединений Красной Армии — из 1487 (данные на вечер 4 июля 1943 года) танков Центрального фронта 369, или около 22%, являлись именно «Семидесятками». Легкие Т-70 были гораздо слабее средних «Тридцатьчетверок» и почти бесполезны в бою с немецкими танками новых типов — тяжелыми «Тиграми» и средними «Пантерами». В ходе сражения на Курской дуге Т-70, как и все остальные типы советских и поставленных по ленд-лизу танков, понесли тяжелые потери. К примеру, в легендарном танковом бою под Прохоровкой 12 июля 1943 года среди других частей участвовало 212 танков и самоходно-артиллерийских установок 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии. Из них 122 были Т-34, 70 — Т-70 и 20 — самоходки. Подсчет потерь после боя показал, что немцы вывели из строя 95 «Тридцатьчетверок», 35 Т-70 и 19 самоходок. Вскоре их производство было свернуто. Однако Т-70 продолжали использоваться в войсках. В 1944 году в одном из боев экипаж «Семидесятки» из засадки даже подбил две «Пантеры».

Тактико-технические характеристики

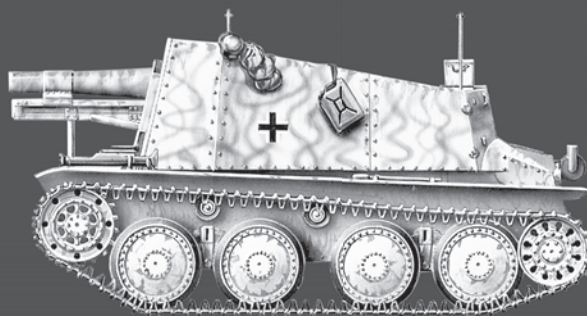
Боевая масса	9200 кг
Экипаж	2 человека
Длина	4285 мм
Ширина	2420 мм
Высота	2040 мм
Вооружение	45-мм пушка обр. 1938 г., 7,62-мм пулемет ДТ, боекомплект — 90 снарядов, 945 патронов
Бронирование	до 45 мм
Мощность двигателя	2 × 70 л. с.
Скорость по шоссе	до 45 км/ч
Запас хода по шоссе	350 км

Sturmpanzer 38(t) (Sd.Kfz.138/1) ЛЕГКАЯ САМОХОДНО-Артиллерийская УСТАНОВКА

Эта боевая машина была создана в 1942 году на базе устаревшего легкого танка Panzerkampfwagen 38(t) фирмой BMM в Праге. Стимулом для появления Sturmpanzer 38(t) стала потребность Вермахта в мобильной полевой артиллерии. С танка демонтировалась башня и вместо нее устанавливалась неподвижная рубка со 150-миллиметровым тяжелым пехотным орудием s.IG.33. Впервые эти самоходки были задействованы в боях на Курской дуге летом 1943 года. Наряду с их применением в качестве самоходных гаубиц для стрельбы с закрытых позиций, нередко Sturmpanzer 38(t) использовали и для непосредственной поддержки пехоты огнем прямой наводкой. Несмотря на высокую огневую мощь, в целом машина оказалась малоудачной. Легкое и короткое шасси не было оптимальным для установки столь тяжелой артиллерийской системы с большой отдачей. При ведении огня под небольшими углами возвышения самоходка после каждого выстрела отпрыгивала назад (из-за этого в Вермахте ее прозвали «Grille» — «сверчок»), небольшим был возимый боекомплект (поэтому и потребовался специализированный транспортер боеприпасов), из-за сильной отдачи при выстреле ее надежность оставляла также желать лучшего. Однако за неимением иной альтернативы серийное производство Sturmpanzer 38(t) продолжалось до сентября 1944 года.

«Грилле» из состава 2-й панцергренадерской дивизии СС «Дас Райх». Июль 1943 года

Тактико-технические характеристики

Вес	11,5 т
Длина	4,95 м
Ширина	2,15 м
Высота	2,47 м
Экипаж	4 человека
Вооружение	150-мм тяжелая пехотная пушка sIG 33 (schweres Infanteriegeschütz 33) и 7,92-мм пулемет MG 34
Боезапас	15 выстрелов для пушки и 600 патронов
Двигатель	6-цилиндровый Praga AC мощностью 147 л.с. (110 кВт)
Запас хода	190 км
Максимальная скорость	35 км/ч

соответственно). Это привело к тому, что 40-я армия имела наибольшую плотность артиллерии на километр фронта, 35,4 единицы. Общй фронт армии составлял 50 километров. Для сравнения, 6-я гвардейская армия, оказавшаяся в июле 1943 года под ударом главных сил группы армий «Юг», имела плотность 24,4 орудия на километр фронта. Гвардейцы И. М. Чистякова занимали при этом на 14 километров больший фронт.

Наконец, 40-я армия была лидером по числу танков среди армий Воронежского фронта. Их у Москаленко насчитывалось 237 единиц. В 6-й гвардейской армии танков было едва ли не вдвое меньше — 135 единиц. Получалось, что из трех армий на Южном фланге Курского выступа 6-я гвардейская армия была наименее подготовленной к отражению удара

противника. Однако именно по ней был нанесен удар главных сил Эриха фон Манштейна. С началом операции «Цитадель» из 40-й армии потекли дивизии, артиллерийские полки и бригады в полосу немецкого наступления, но сметаемым шквалом огня и танковым ударом армии Германа Гота гвардейским дивизиям от этого было не легче. По сути, такое распо-

Командир 81-й гвардейской стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии генерал-майор И. К. Морозов (1905–1955). В 1914 году он окончил церковно-приходскую школу. В Красной Армии с 1918 года, участвовал в Гражданской войне. Был дважды ранен. До конца 1930-х годов, с небольшим перерывом, служил в кавалерии. Старшие начальники оценивали его как «твердого и настойчивого командира». За успешное руководство своей дивизией в феврале 43-го Морозов дважды награждался орденом Красного Знамени. Дважды был ранен, в том числе тяжело.

жение войск Воронежского фронта привело к тому, что в ходе наступления немцы били войска Красной Армии по частям. При этом следует подчеркнуть, что подобное расположение не было ошибкой советского командования, а вытекало из необходимости закрыть сразу несколько возможных направлений наступления противника.

Проблему неопределенности немецких планов достаточно ярко демонстрирует построение обороны 7-й гвардейской армии на левом фланге Воронежского фронта. Просчитывая варианты действий «за противника» в полосе 7-й гвардейской армии, советские штабисты выделили шесть танкоопасных направлений, из которых наиболее вероятными считались три: прорыв с Михайловского плацдарма; на Корочу; Волчанск-Волоковка. Первое направление считалось главным, и оборона на периметре так называемого Михайловского плацдарма была наиболее прочной. Менее плотная оборона, но все равно достаточно развитая система укреплений, строилась на двух других направлениях.

На пути прорыва противника с Михайловского плацдарма оборонялась 81-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора И. К. Морозова. Участок ей был выделен узкий, всего в 8 километров (по начертанию переднего края — 9 километров). Также за счет артиллерийских частей усиления и собственной артиллерии дивизии на этом направлении к началу июля 1943 года сформировался мощный артиллерийский кулак из 57 122-миллиметровых и 152-миллиметровых орудий (включая 34 152-миллиметровые гаубицы-пушки), 6576-миллиметровых дивизионных орудий, 1276-миллиметровых полковых орудий, 4145-миллиметровой противотанковой пушки, 60 120-миллиметровых и 8782-миллиметровых минометов, 48 «Катюш» — установка БМ-13. Сюда же по приказу М. С. Шумилова выдвигался полк тяжелых танков КВ.

Второе направление (на Корочу) прикрывали 81-я и 78-я гвардейские стрелковые дивизии. Последней был нарезан участок шириной 10 километров, причем оборона соединения опиралась на водную преграду — реку Северский Донец, с широкой заболоченной поймой. Третье направление досталось 36-й гвардейской стрелковой дивизии, занимавшей фронт в 17 километров. Это больше рекомендаций Устава, но все ее полки были выстроены в одну линию, а во втором эшелоне всего в 2–4 километра от переднего края на фронте 10 километров занимало оборону еще одно соединение — 15-я гвардейская стрелковая дивизия.

Однако за концентрацию сил против Михайловского плацдарма и корочанского направления приходилось платить ослаблением остальных направлений. В центре построения армии М. С. Шумилова 72-я гвардейская стрелковая дивизия обороняла фронт в 15 километров, несколько шире уставного. Кроме того, неопределенность планов противника вынуждала «размазывать» средства усиления. Так из 52152-миллиметровых гаубиц-пушек армии Шумилова (самая мощная артиллерийская система в распоряжении командующего) 34 орудия сосредоточивались против Михайловского плацдарма, 12 орудий — в полосе 72-й гвардейской стрелковой дивизии и еще 12 орудий — в полосе 36-й гвардейской стрелковой дивизии. Танковыми полками усиливался правый фланг армии и участок 36-й дивизии. Таким образом, центр обороны 7-й гвардейской армии оказался сравнительно слабым, что, как мы увидим в дальнейшем, привело к прорыву ее обороны противником.

Общая численность войск Воронежского фронта на 1 июля 1943 года составляла 625 590 человек, 4155 орудий всех типов (включая противотанковые), 4596 минометов, 1701 танк и самоходно-артиллерийская установка (с учетом находившихся в ремонте).

Пытка ожиданием

Нет ничего удивительного в том, что командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин был не в восторге от идеи «преднамеренной обороны». Его силы были разбросаны на широком фронте, и при неблагоприятном стечении обстоятельств «преднамеренная оборона» могла привести к катастрофе. Перейти в наступление, пусть даже с риском получить щелчок по носу, аналогичный весеннему Харькову, казалось Ватутину меньшим злом. Тем более, как уже было сказано выше, Воронежскому фронту удалось восстановить силы, и войска были готовы к активным действиям. Маршал А. М. Василевский впоследствии вспоминал: «В результате непрерывного и самого тщательного войскового наблюдения за противником как на Воронежском, так и на Центральном фронтах, а также по данным, поступавшим от всех видов разведки, нам уже точно было известно, что фашисты полностью изготовились к наступлению. Но наступления почему-то не начинали. Вот это «почему-то» немало беспокоило нас,

а некоторых даже выводило из равновесия. Особую нетерпеливость начал проявлять командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин. Николай Федорович неоднократно ставил передо мной вопрос о необходимости начать самим наступление, чтобы не упустить летнее время. Мои доводы, что переход врага в наступление против нас является вопросом ближайших дней и что наше наступление будет безусловно выгодно лишь противнику, его не убеждали.

Советский средний танк Т-34-76 в засаде. 1943 год.
Командир бронемашины ведет наблюдение за местностью в бинокль

— Александр Михайлович!
Просним мы, упустим момент, —
взволнованно убеждал он меня.
Противник не наступает, скоро
осень и все наши планы сорвут-
ся. Давайте бросим окапываться
и начнем первыми. Сил у нас для
этого достаточно.

Из ежедневных перегово-
ров с Верховным Главнокоман-
дующим я видел, что беспоко-
ен и он. Один раз он сообщил
мне, что ему позвонил Ватутин
и настаивает, чтобы не позднее
первых чисел июля начать наше
наступление; далее Сталин ска-
зал, что считает это предло-
жение заслуживающим само-
го серьезного внимания; что он
приказал Ватутину подгото-
вить и доложить свои сообра-
жения по Воронежскому фрон-
ту в Ставку».

Верховный главнокомандую-
щий с интересом отнесся к пред-
ложению командующего Во-
ронезского фронта отнюдь не
в силу ветрености и непостоян-
ства. Сомнения о целесообразно-
сти «преднамеренной обороны»
были не только у Ватутина, но
и у Сталина. Маршал Г. К. Жу-
ков свидетельствует: «Верховный
сам все еще колебался — встре-
тить ли противника обороной
наших войск или нанести упре-
ждающий удар. И. В. Сталин
говорил, что наша оборона мо-
жет не выдержать удара немец-
ких войск, как не раз это быва-
ло в 1941 и 1942 годах. В то же
время он не был уверен в том,
что наши войска в состоянии
разгромить противника своими
наступательными действиями.
Это колебание продолжалось,
как я помню, почти до середины
мая».

Расчет Вальтера Моделя на то,
что советское командование по-

Командующий Воронежским фронтом
генерал армии (1943) Николай Федоро-
вич Ватутин (1901–1944)

Генерал Ватутин был ярким представителем типа военачальника-мыслителя, а не военачальника-харизматика. Он обладал большим опытом штабной работы, в том числе в Генеральном штабе, и поэтому его отличало тщательное и скрупулезное планирование порученных операций. Более того, он любил штабную работу и она давалась ему легко. Это позволило Ватутину в ходе оборонительной фазы сражения на Курской дуге без сомнений отправить своего начальника штаба фронта С. П. Иванова в 69-ю армию для усиления ее штаба. На самого Ватутина при этом легла двойная нагрузка: он исполнял обязанности и командующего и начальника штаба фронта. Так же как и у Жукова, у Ватутина была развита интуиция, он «чувствовал» противника и прогнозировал его действия. В быту Ватутин отличался аскетичным образом жизни, практически не употреблял алкоголь, даже вино. С подчиненным он разговаривал корректно, всегда предлагал высказать свое видение и оценку обстановки. Вместе с тем Ватутина трудно назвать мягким и бесконфликтным человеком. Более того, однажды поссорившись с кем-то, он не прощал обиды. Так, вступив в конфликт с командиром танкового корпуса генерал-майором Б. С. Бахаровым и обвинив того в трусости, Ватутин последовательно добивался его отстранения от должности, и в итоге Бахаров командовал корпусом на другом фронте. Ватутин являлся сторонником активной стратегии и был резко против принятого решения ждать удара противника летом 1943 года. Он настаивал на переходе Красной Армии в наступление. Наступление было стихией Ватутина, хотя в некоторых случаях он действовал чересчур рискованно, на грани авантюры, за что получал выволочки от самого Сталина. Тем не менее целая плеяда успешных наступательных операций Красной Армии в Великой Отечественной войне связана с именем Ватутина. Его способности продумывать операции до мельчайших деталей высоко ценил даже противник — немецкие командиры называли советского генерала «шахматистом» (*Schachspieler*) и «гроссмейстером» (*Großmeister*). В апреле 1944 года в освобожденном Киеве Ватутин скончался от ран, полученных во время выезда в войска, в случайной перестрелке с членами Украинской повстанческой армии.

Офицеры-артиллеристы Воронежского фронта во время рекогносцировки местности.
Июль 1943 года

Советские снайперы одной из частей Центрального фронта. 1943 год

В мае 43-го в инженерные части Воронежского фронта начали поступать противотанковые мины, для установки которых у советских саперов в итоге было два месяца. В июле эти мины станут настоящим бичом наступающих немецких танков

теряет терпение и начнет наступательные операции, был, несомненно, обоснованным. Задержка с переходом немцев в наступление заставила нервничать самого Сталина. При определенных условиях решение перейти в наступление могло быть принято, и Модель получил бы повод торжествовать. Что интересно, условия местности разделили военачальников Красной Армии и Вермахта на «остроконечников» и «тупоконечников», то есть на сторонников наступательной и оборонительной стратегии в летней кампании 1943 года. Командовавший войсками в южном секторе Советско-германского фронта Эрих фон Манштейн был сторонником наступательной стратегии, так как понимал трудности обороны на больших пространствах. Точно так же понимал трудности обороны к югу от лесистых центральных районов и Н. Ф. Ватутин. Оппозицией к ним были люди, имевшие печальный (советская сторона) и позитивный (немцы) опыт боев в центральном секторе фронта. Как показали дальнейшие события, до весны 1944 года западное направление

было «крепким орешком» для советских войск. Попытки взломать здесь оборону Вермахта длительное время не приносили весомого результата. Перелом произошел только летом 44-го.

Даже долгое ожидание не могло быть бесконечным. В два часа ночи 2 июля 1943 года в адрес командующих войсками Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов была отправлена директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30144, начинавшаяся словами: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3–6 июля». Командующим фронтами приказывалось быть в готовности к отражению удара противника и усилить за ним наблюдение. Директива была направлена на все фронты западного и юго-западного направлений, то есть советское верховное командование до последнего не было уверено в действительном направлении немецкого наступления. Вскоре простой сапер Вермахта развеял последние сомнения.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал (1942) Эрих фон Манштейн (Erich von Manstein; урожденный фон Левински (von Lewinski); 1887–1973)

Происходил из семьи потомственных прусских офицеров. Дядей ему приходился командующий Восточным фронтом и Генеральным штабом в Первую Мировую войну, последний рейхспрезидент Германии до прихода Гитлера к власти генерал-фельдмаршал Гинденбург (1847–1934). При рождении был усыновлен генералом Георгом фон Манштейном. В Первую Мировую служил в штабах различного уровня. Имел репутацию наиболее одаренного стратега Вермахта, являлся неформальным лидером немецкого генералитета. Фон Манштейн был не просто сильным военачальником, а тем человеком, которому Третий Рейх был обязан своими крупнейшими успехами в наступлении и в обороне. Именно он был творцом плана «Гельб», сокрушившего Францию в 1940 году. Часто этот план приписывают Гитлеру, однако это не более чем легенда. «Удар серпом», приведший к разгрому главных сил французской армии в мае 40-го, был не озарением полудилетанта, каковым являлся фюрер, но тщательно, до мелочей продуманным профессионалом планом действий. Точно так же именно фон Манштейну принадлежит план контрнаступления под Харьковом в феврале–марте 1943 года и его практическая реализация на посту командующего группой армий «Юг». Это контрнаступление остановило казавшийся бесконечным натиск Красной Армии на запад после успеха в Сталинградской битве. В отличие от «генералов наступления» и «генералов обороны» фон Манштейн проявил себя как талантливый военачальник и в наступлении и в обороне. На его счету как успешные наступательные операции, в ряду которых, помимо плана «Гельб», можно назвать штурм Севастополя, так и успешные оборонительные операции, включая восстановление Восточного фронта, рухнувшего после окружения 6-й армии Фридриха Паулюса под Сталинградом. Фон Манштейн был сильнейшим штабистом Вермахта, обладая при этом достаточными волевыми качествами для непосредственного руководства войсками.